

К 4399036

Посвящается 70-летию со дня рождения В. А. Гаврилина

По солнечному лучу

Владимир АРИНИН

**Вологодская областная государственная
филармония имени В. А. Гаврилина**

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ФИЛАРМОНИЯ ИМЕНИ В. А. ГАВРИЛИНА

Владимир АРИНИН

По солнечному лучу

- Диалогия о композиторе
- Из творческого наследия
- Гаврилинские тайны

Посвящается
70-летию со дня рождения
В. А. Гаврилина

Вологда
2009

Аринин В.И. По солнечному лучу. - с. 80, вкл.

Фотоиллюстрации из личного архива Н. Е. Гаврилиной, архива Вологодской областной государственной филармонии имени В. А. Гаврилина, редакции газеты «Красный Север», музея В. А. Гаврилина и Н. М. Рубцова.

Книга «По солнечному лучу» посвящена 70-летию со дня рождения великого русского композитора, нашего земляка, народного артиста России, лауреата Государственных премий В. А. Гаврилина. В ней подробно рассказывается о детских и молодых годах Гаврилина, становлении его как композитора (вторая половина 60-х годов, создание знаменитой «Русской тетради»). В таких темах, как Гаврилин и театр и его литературное творческое наследие, повествование выходит за рамки шестидесятых годов и кратко охватывает весь период жизни и творчества Валерия Александровича. Книга издана Вологодской областной государственной филармонией, что вполне закономерно, так как она носит славное имя В. А. Гаврилина. Это - вологодский дом музыки Гаврилина.

Автор книги - В. И. Аринин известен на Вологодчине своими работами о многих выдающихся людях России: Батюшкове, Пушкине, Гоголе, Гиляровском, Можайском, Шаламове и других. О Гаврилине он пишет с 90-х годов прошлого века. Это пятнадцатая книга автора.

Благодарная память о Гаврилине

*Директор Вологодской областной
государственной филармонии
им. В. А. Гаврилина, заслуженный работник
культуры РФ В. П. ГОНЧАРОВ.*

Чем большая дистанция времени отделяет от нас земную жизнь Валерия Александровича Гаврилина, тем очевиднее становится масштаб творчества этого композитора, философа, гражданина, и подтверждается мысль Гаврилина об участии его духовного организма в жизни мира.

Вологодская филармония с 1999 года тесно связана с именем и творчеством Валерия Александровича Гаврилина. Мы строили совместные планы о фестивале его музыки в Вологде, но судьба распорядилась иначе: первый фестиваль стал фестивалем памяти, тогда же постановлением Губернатора области нам было присвоено имя композитора.

Первый фестиваль был необычным по своей атмосфере: сильным было чувство утраты, мы ощущали вину перед Валерием Александровичем, что не организовали этот фестиваль раньше. А петербургские музыканты - участники фестиваля приехали в Вологду как на святую землю, на родину Гаврилина. Они признавались, что стали по-иному понимать его музыку. Первый фестиваль имел большой общественный резонанс. На концерты приходили люди, которые знали и любили Валерия Александровича, его музыку. Другие любили его музыку, но не знали, что это Гаврилин и что он родился в Вологде. Но самым удивительным было ощущение, что эта музыка о нас, о Вологде, о нашей земле, природе, людях. Гаврилин не раз говорил о любви и преданнос-

ти родной земле, и первый фестиваль был пронизан этой любовью.

С этого времени в культурной и общественной жизни нашего города появилась новая традиция, связанная с именем выдающегося земляка, а 1999 год стал началом нового направления деятельности филармонии. Мы подружились с Татьяной Дмитриевной Томашевской, она наш добрый советчик, помощник и друг. В Вологду, как в прежние времена, регулярно приезжает Наталия Евгеньевна Гаврилина.

Валерий Александрович писал о том, что «настоящая музыка прорастает через души, полнит дух и утверждает свет», в полной мере это относится к его музыке, которая так или иначе всегда присутствует в филармонии. Наши артисты, прежде всего молодые, все чаще обращаются к его произведениям, музыка Гаврилина звучит в детских программах и на вечерних концертах, в программах гастролеров. К нам обращаются педагоги школ и детских садов, работники библиотек, они хотят больше знать о Гаврилине, используют его музыку в краеведческих программах. Из этого желания земляков ближе узнать творчество Гаврилина происходят и наши традиционные конференции, на которые собираются специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, городов России. Каждый год в конце января мы проводим Дни памяти Валерия Александровича, в программе которых проводим концерты, а также знакомим вологжан с новыми изданиями, выставками, фильмами, посвященными Гаврилину.

Гаврилинский фестиваль, который три года назад получил статус международного, стал визитной карточкой филармонии. На первых фестивалях мы максимально представляли произведения В. А. Гаврилина, многие из которых ранее не звучали в Вологде. Участниками фестиваля в разные годы были ведущие коллективы страны: Санкт-Петербургская государственная академическая капелла под управлением В. Чернушенко, Большой симфонический оркестр им. П. И. Чайковского под управлением В. Федосеева, Московский академический Камерный хор под управлением В. Минина, Пермский академический театр оперы и балета и многие другие. Произведения Гаврилина занимают почетное ме-

сто в репертуаре Губернаторского оркестра русских народных инструментов под управлением Галины Перевозниковой. Благодаря Гаврилину выдающиеся музыканты и деятели культуры России стали нашими друзьями. Для меня совершенно очевидно, что фестиваль является стимулом к развитию филармонии, музыкальной жизни нашего города и области.

Последний фестиваль, состоявшийся в 2008 году, стал абсолютно новым по духу и форме, концепции и внутренней драматургии. Программа фестиваля объединила концерты колокольной музыки, мировую премьеру Увертюры для симфонического оркестра «Вологодские кружева» А. Чайковского, грандиозные программы открытия и закрытия с участием симфонических оркестров, хоров, концерты-монопрограммы из произведений Шопена, Рахманинова, Баха, Бетховена. Творчество Гаврилина на этом фестивале было представлено в контексте творчества композиторов - его современников.

Многообразную деятельность филармонии и других учреждений культуры, связанную с именем и творчеством В. А. Гаврилина, несколько лет назад объединила областная комиссия по наследию Гаврилина, председателем которой является первый заместитель Губернатора области Иван Анатольевич Поздняков. Политическая и финансовая поддержка Правительства области и департамента культуры придала высокий статус этой деятельности. Финансирование, которое филармония получает в рамках программы Правительства области «О сохранении и пропаганде наследия В. А. Гаврилина», - это реальная и устойчивая платформа развития профессионального музыкального искусства и музыкального просвещения в Вологде и Вологодской области.

Имя Гаврилина после его смерти объединило многих людей: музыкантов, художников, литераторов, журналистов, музейщиков, педагогов, представителей власти и общественных организаций. Можно не сомневаться в том, что на родине Гаврилина всегда будет звучать его музыка и благодарные земляки будут бережно сохранять память о нем. Надеюсь, что в недалеком будущем Гаврилинский фестиваль в Вологде, как и Гаврилин, станет символом современной русской музыки.

От автора

Эта книга - о жизни и творчестве Валерия Александровича Гаврилина (1939 - 1999), его становлении как композитора. Она посвящена 70-летию мастера.

Открывает книгу документальная повесть о детстве и молодых годах Валерия Гаврилина. Я не музыковед, моя задача - литературный рассказ о выдающемся человеке, о становлении его как композитора с детских лет, с его первых музыкальных увлечений до «Русской тетради». Для меня, конечно, особое значение имеет то, что я был лично знаком с Валерием Александровичем, что он принял участие в судьбе моей пьесы о Батюшкове и не только высоко оценил ее, но и написал после ее прочтения два замечательных музыкальных произведения - «Батюшковский вальс» и романс «Мой гений». Этот романс стал классикой, он часто исполняется, и это уже навсегда.

При написании этой книги я стремился к тому, чтобы на ее страницах было как можно больше подлинного, «гаврилинского», чтобы звучал его живой голос и он сам говорил о себе.

О Валерии Гаврилине я начал писать давно, моему перу принадлежат многие газетные публикации о выдающемся композиторе, в том числе цикл «Гаврилин неизвестный» в газете «Русский Север» (1999 - 2000 гг.). Мой очерк о композиторе «Батюшковский подарок» опубликован в сборнике «Этот удивительный Гаврилин» (СПб., 2002).

Предлагаемое повествование «По солнечному лучу» печаталось в газете «Красный Север» в течение 2008 года. В книгу включаю также свой очерк «Батюшковский подарок». Хронологически это другое время. Мое повествование охватывает период с детских лет Гаврилина до конца шестидесятых годов. А в «Батюшковском

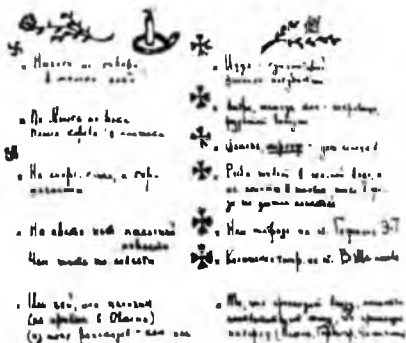

подарке» действие происходит в начале восьмидесятых, но в этом очерке речь идет о моих встречах с Валерием Александровичем, наших творческих контактах, и это во многом объясняет, почему я стал писать о Гаврилине.

В своей работе использую книги последних лет, посвященные Гаврилину, - «Этот удивительный Гаврилин», «О музыке и не только», «Слушая сердцем», многочисленные публикации о композиторе, воспоминания Н. Е. Гаврилиной и Т. Д. Томашевской, свои личные впечатления.

Благодарю Н. Е. Гаврилину и Т. Д. Томашевскую за творческую помощь при написании этой моей работы.

Второй раздел книги посвящен литературному наследию Валерия Александровича. В нем идет речь также о гаврилинских рисунках. Эти рисунки (в том числе рисунок гаврилинского дома в Перхурьеве) использованы в оформлении книги.

І Главный путь и любимая тропинка

По солнечному лучу

(Становление композитора)

Документальная повесть о детстве и молодых годах

Валерия Гаврилина

Глава 1

Вам слово, Валерий Александрович!

Из другого мира, из-за смертной завесы скажите, Валерий Александрович, свое слово. Вы это можете. Конечно, ваша душа жива для нас, живущих, в вашей музыке. И тут ни время, ни смерть не властны. Но ваша душа жива и в слове. Ваше творческое наследие состоит не только из прекрасной музыки, целого музыкального мира, но и из того, что вы оставили нам в слове. И это тоже целый мир - записи разных лет, статьи, стихи, эссе, интервью, автобиографические заметки. В большинстве они мало известны, во всяком случае, для широкой аудитории.

Вы, Валерий Александрович, можете и сами рассказать о своей жизни. Потому вам, Валерий Александрович, слово. Используйте мое перо как инструмент, чтобы рассказать это. Как живой, скажите свое слово, Валерий Александрович.

«Родился я в 1939 году. Родился в Вологде. Но жили мы в сорока восьми километрах от нее, в городе Кадникове. Мама там была директором детского дома. А мой отец, Александр Павлович Белов, был заведующим районного отдела народного образования. Работал в городе Сокол...»

«Хотите спросить, почему я Гаврилин, а не Белов? Перед самой войной между родителями произошла размолвка, и мама записала меня на свое имя...»

«Мои родители были из первого поколения послереволюционных

интеллигентов, которые больше взяли способностями и трудом, чем образованием и настоящей культурой. До них все мои предки были крестьянами, вот только дед по материнской линии выбился в купцы, был даже довольно богат, так что после революции стал «лишенцем». Он потом работал сторожем у памятника Чапаеву».

«В 1941 году, в связи с переменой места работы матери, мы переезжаем в деревню Перхурьево Кубено-Озерского района (мать работала в селе Воздвиженье директором детского дома)». «Моя мама, Клавдия Михайловна, была настоящей коммунисткой, и все, что вопреки здравому смыслу происходило с народом и страной, приписывала проискам врагов. К тому же была она еще и секретарем сельсоветской парторганизации. Только за письменным столом особенно сидеть не любила. Всегда была там, где людям нужно помочь и словом, и делом».

Высоко отзывался Гаврилин об отце, отмечая его большие музыкальные способности.

«...Вообще был он поистине необыкновенным человеком. С пяти лет уже пел в церкви, знал все службы, да и голос, говорят, имел ангельский. Самостоятельно выучился играть на скрипке, мастерски владел всеми гармониками. Музыку запоминал мгновенно. Знал все виды пляса. Лет с десяти был самым званным на все свадьбы. Заполучить его на праздник в какой-нибудь дом считалось у односельчан большой удачей. А какие дивные наряды, рассказывают, он своим сестрам шил! Люди налюбоваться не могли, только от восторга ахали!.. И представьте, избрали его председателем сельсовета, хотя ему было всего... восемнадцать лет! Да еще все его величали по имени-отчеству, а это на селе проявление высшего уважения к человеку».

Разумеется, я цитирую подлинные слова Валерия Александровича - из многочисленных его публикаций, интервью СМИ, центральному телевидению и радио, собранных в результате огромного труда его женой Наталией Евгеньевной Гаврилиной. Это она подсказала мне идею использовать литературное наследство Валерия Александровича, и как можно шире.

***

То, что на вологодской земле исторически должен был появиться «свой» крупный композитор, - это закономерно. Вологодчина во

все времена выдвигала в культуру свои неповторимые таланты. В литературе - Батюшков, Шаламов, Рубцов, Белов, в журналистике - Гиляровский, в живописи - академик Тюрин, Верещагин. А что же в музыке? Заметим, что Гаврилины одно время жили в Кадникове. С Кадниковом и Вологодой связаны Зубовы, известный вологодский дворянский род. Вот Зубовы и выдвинули в русской музыке композитора - Михаила Михайловича Зубова (он был и оперным певцом, пел даже одно время в Италии, на знаменитой сцене Ла Скала). Он автор многих романсов (самый известный из них, исполняющийся и сегодня, - «Виновата ли я?». Зубов написал четыре оперы на сюжеты Пушкина: «Цыганы», «Граф Нулин», «Бахчисарайский фонтан» и «Барышня-крестьянка». Гаврилин всю жизнь мечтал написать что-то значимое на слова Пушкина. И он мне говорил об этом, когда еще я замыслил написать о Пушкине. Не довелось. Но я уверен: появление выдающегося композитора - уроженца Вологодчины - историческая закономерность. Но он наследовал прежде всего не дворянскую культуру, как Зубов, а народную, что тоже закономерно.

Детство, прошедшее в вологодской деревне Перхурьево, определило всю его судьбу.

«В деревне Перхурьево я жил, а учился в школе в селе Воздвижение (через дорогу)... Воспитывался я в основном своей крестной матерью Аскалидой Алексеевной Кондратьевой, так как моя мать была очень занята на основной и общественной работе...».

«Впечатления этих лет незабываемы для меня».

***

В свое время перед 60-летием Валерия Александровича (увы, его уже не было в живых), в августе 1999 года, вместе с Т. Д. Томашевской я ездил по этим гаврилинским местам. И эта поездка произвела на меня большое впечатление, так у меня возникла еще тогда мысль о гаврилинской книге.

Необъятные просторы. Впереди - гладь Кубенского озера. В центре села Воздвижение - старинный храм (ныне он отреставрирован).

Храм, известный с XVII века, был закрыт в 1929 году. Местные активисты выбросили из него иконы и открыли в нем клуб. Затем

здесь размещался детский дом. Клавдия Михайловна Гаврилина являлась рачительной хозяйкой, детдом был неплохо по тем временам оборудован и обустроен. Но все равно изначально это был храм. Здесь находились захоронения уважаемых граждан этих мест, и мальчишки иногда откапывали в подвальных помещениях человеческие черепа.

Вероятно, образ поруганного храма интуитивно повлиял на душу маленького Валерия. Он стал верующим человеком, совестливым, абсолютно честным и в жизни, и в творчестве. И навсегда звучат церковные перезвоны, поют колокола в его музыке...

А прямо через дорогу от храма - дом, где жили Гаврилины. Это уже в деревне Перхурьево, что совсем рядом. Крепкий, добротный дом. Внутри многое сохранилось, как было при Гаврилине. И, побывав спустя годы в доме, Валерий Александрович удивлялся: «Даже лежанка, на которой мы с сестренкой любили греться, тоже цела».

Дом был построен крепким хозяином Струлевым. Ему в деревне принадлежало еще два дома. В тридцатые годы «окулачили» человека, и пропал он без вести. Об этом мне рассказал хозяин дома, 78-летний Павел Александрович Колпаков. Говорил он и о том, что в этом доме жил мальчик, ставший знаменитым композитором. Память о Гаврилине в этих местах всегда была жива.

Здесь начинались первые жизненные и музыкальные уроки маленького Валерия.

«Помню посиделки с их грустными песнями по праздникам, когда из разных деревень в одну стекаются толпы веселого народа, каждая толпа со своими песнями, и с частушками, и со своим гармонистом».

«Мы радовались тому, что создал Господь. Каждый день были какие-то открытия, мы жили в мире чудес. Природа была еще чиста. Нас приводили в восторг дождь, голубое небо, валуны в реке, то вдруг выйдешь на огромную, километра в два, земляничную поляну, а уж если пароход появится... Я хотел быть гармонистом, но это желание никакого отношения к музыке не имело. Мы все хотели быть гармонистами, потому что им во время гулянья всегда был почет, они всегда были в центре праздника. Мама хотела, чтобы я был ветеринаром».

Здесь, в деревне, ему пришлось пережить и много трагического. Началась война...

«В 1941 году отец ушел на фронт добровольцем и погиб на Ленинградском фронте под Лигово, где и похоронен».

«Из всей нашей деревни с войны вернулся только один человек, да и тот без обеих ног. А в деревне же все друг друга знали, все как родня, так и плачут все вместе».

«Здесь жили люди, которые первыми объяснили мне не на словах, а по-разному, что такое доброта, что нужно ценить прежде всего в жизни, ценить в людях. Здесь я впервые услышал русскую народную музыку, слушал песни, увидел танцы, обряды, гулянья, человеческое горе, страдание. Здесь я прожил всю войну... Видел сиротливые семьи, видел женские слезы. И, наверное, отсюда, из Вологды, я вынес и главную тему моего творчества. Так мне, по крайней мере, кажется, так я думаю. Это тема женской судьбы, женского характера, потому что все эти годы главные люди, которые меня окружали, были женщины».

«После войны наступил страшный голод. Нищета была ужасающая. Денег почти не платили. У нас место было кружевное. Моя крестная и две ее сестры выплетали панно четыре на пять метров. Их продавали за границу за большие деньги, а кружевницам выплачивали по двенадцать рублей. Моя мама получала старыми деньгами пятьсот рублей, так она считалась богатой женщиной. А толпы голодных обмороженных людей, которые всю зиму бродили по окрестностям... Помню, как в мороз и пургу шли полуодетые люди с красной растрескавшейся кожей, голодные, а нам нечего было им дать».

«В 1950 году мать посадили, тогда большая волна арестов по Вологодской области прокатилась... У нас отобрали все: дом, хозяйство, даже одежду. В детдом меня крестная босиком привела».

«Клавдия Михайловна Гаврилина, беззаветно верившая в идеалы коммунизма, была арестована. Вот так и оказался я уже воспитанником детского дома».

Что касается ареста его матери, то Н. Е. Гаврилина пишет об этом так (газета «Сокольская правда», август 2000 г.):

«Она была директором детского дома, и Валерий Александрович говорил, что всегда недобрую службу служат собственные

сослуживцы. То ли кому-то она не угодила, то ли еще что, но пошел донос, что колоссальная, мол, растрата. Когда хотят, найдут. Что-то нашли у бухгалтера. Времена были суровые, не то что сейчас, можно миллионы красть, и все ничего. Тогда и бухгалтер, и она были арестованы, и ни много ни мало десять лет было дано. С конфискацией имущества. Дети, Валерику - 11, Гале - 9, были выселены из дома в Перхурьево, имущество перешло государству. За Галей приехала из Куйбышева Мария Михайловна, сказала: «Двоих взять не могу». А Валерия крестная мама Аскалиада Алексеевна устроила в детский дом, где директором была подруга Клавдии Михайловны Анна Харлампиевна Романова. Потому что Клавдия Михайловна сказала: «Ты смотри, Склиа, только к Харлампиевне!»

Глава 2

Синее море, белый пароход...

Можно представить, в каком трагическом положении оказался одиннадцатилетний Валерий Гаврилин. Мать арестована, хотя всегда была преданнейшей коммунисткой. На глазах детей - Валерия и его сестры Галины - отобрали все: дом, имущество, даже одежду. Галю забрала к себе в Куйбышев родственница. А Валеру крестная повезла в Вологду в детский дом, босого (нечего было обуть), несчастного, растерянного.

Он не представлял себе жизни в городе: его родным домом была деревня.

Т. Д. Томашевская рассказывает, что, хотя затем большую часть жизни Валерий Гаврилин прожил в городе (в Вологде и Ленинграде), с которым сроднился, темой его разговоров и воспоминаний очень часто была именно деревня, он мог без конца, постоянно вспоминать свое деревенское детство.

Н. Е. Гаврилина рассказывала мне о некоторых моментах его деревенской жизни, весьма характерных. Звали его в семье и в деревне Лялей. Рос как большинство деревенских мальчишек. Много времени проводил на реке Водле, купались, играли в лапту, любил катать по деревне колесо. Обожал природу, с огромным

удовольствием ходил в лес. Любил лошадей. Но с лошадьми у него были связаны два неприятных случая - два падения. Однажды упал со скачущего коня в воду. Перелетел через холку, ударился о корягу, пробил голову. Второй раз скатился с воза, попал под колесо, опять же стукнулся головой. Видимо, поэтому его долгие годы преследовали головные боли.

Уже в зрелом возрасте узнал то, что у него была в раннем детстве кормилица, молочная мама А. А. Боброва, жившая в Кадникове. Об этом Валерию Александровичу рассказал поэт Виктор Коротаев, который был в дальнем родстве с этой женщиной. Виктора Коротаева Валерий Гаврилин называл своим другом, с большой горечью написал впоследствии о его безвременной смерти.

Н. Е. Гаврилина вспоминает, что адрес кормилицы Гаврилина они узнали именно от Коротаева и ездили в Кадников, чтобы познакомиться с ней. И она оказалась прекрасным человеком, простой, но очень доброй, душевной русской женщиной. У Валерия Александровича в его записях есть самые теплые слова о ней.

Записи Валерия Александровича содержат много воспоминаний о деревне, заметок, сельских сценок, характерных для деревенской жизни.

Все это написано с таким драматизмом, что невольно снова подумаешь: Валерий Александрович, несомненно, был очень одарен и литературно. Если бы он не стал композитором, то, вероятно, он мог бы стать писателем, будь на то его воля и желание.

Творчество было дано ему от рождения. Он много и охотно рисовал, особенно для горячо любимой им крестной. Чаще всего рисовал цветы, красивые розы. Его рисунки висели на стене избы крестной. Она втайне от матери крестила его. И это было большое событие.

И он все-таки отличался от большинства деревенских мальчишек. Кстати, даже одеждой. Мама - все же она была сельской интеллигенткой - одевала его несколько иначе, чем было одето большинство ребят. К примеру, он носил штаны на помочах. Но главное отличие было все же в другом...

Он нередко, оставив шумные ребячьи игры, сидел, чаще всего на крыше храма, в глубокой задумчивости вглядываясь вдаль, в светлый простор Кубенского озера. Воображение рисовало синее море и плывущий по нему белый пароход. И незатейливая песенка, которую мы все знаем с детства, постоянным рефреном звучала в его душе и рождала новые звуки и слова. Впоследствии он напишет:

«Синее море,
Белый пароход.

Никто не знает окончания этой песенки. Каждый дописывает ее своей жизнью».

Говорят, Николай Рубцов хотел написать продолжение и окончание этой песенки, но так и не написал. И Гаврилин этого хотел. Но не получилось. Но что-то волнующее, особое начинало звучать в душе ребенка. Возникало еще неосознанное творчество.

«Как становятся композитором?

Наверное, все-таки им рождаются. Кто при старении не может приобрести профессиональных навыков, культуры, мастерства?.. Но сам дар - познать мир звуками - врожденный. Его можно развить или погубить, можно просто не заметить в себе».

«Меня с детства тянуло к гармошке и к балалайке. Дело в том, что мама считала это занятие недостойным, наверное, потому, что это приводило ее к воспоминаниям об отце. И все-таки с тех пор, как только стал себя помнить, я не мог жить без музыки. Забывал все на свете, когда слушал песни знаменитых вологодских кружевниц, когда на гуляньях всю разливалась тальянка. А какие озорные звучали частушки, разве это можно позабыть! Вот такая «концертная жизнь» была в селах! В общем, музыка жила во мне.

Я застал почти все обряды: и свадьбы, и похороны, и гулянья по всем праздничным дням. Слышал настоящих плакальщиц. Это был особый талант. Обыкновенно такой плач начинается с самой низкой ноты, потом с каждой строкой поднимается все выше и выше, до надрывного, почти истерического голоса, переходящего в плач. Тут уже плачут все. Такова техника возбуждения скорби».

***

Фольклор и профессиональное искусство, деревенское и городское в музыке Гаврилина - об этом мы много говорили с московским музыковедом А. Т. Тевосяном. Несколько лет назад А. Т. Тевосян специально приезжал в Вологду, чтобы побывать в гаврилинских местах, познакомиться с людьми, знавшими композитора.

Проректор Московской хоровой академии, замечательный музыковед, влюбленный без остатка в музыку Гаврилина, он писал тогда книгу о его творчестве и готовил другую книгу, состоящую из статей, выступлений, интервью Валерия Александровича. И был очень увлечен всем этим. Мне было приятно познакомиться с интересным человеком, глубоким и тонким музыковедом. Он не думал о смерти, которая уже караулила его. Более того, оригинал, сторонник гармоничного, здорового образа жизни, А. Т. Тевосян считал, что владеет секретом долголетия, и в беседах со мной советовал мне, как вести себя, как питаться, чтобы жить долго и гармонично. Но все внезапно оборвалось. Он не успел полностью завершить свои работы о Гаврилине. Их завершила и издавала уже Н. Е. Гаврилина, как она пишет: «В память о музыковеде, работы которого В. А. Гаврилин высоко ценил».

Фото запечатлело в деревне Перхурьево, у дома, где жили Гаврилины, А. Т. Тевосяна и Т. Д. Томашевскую, а между ними Леночка - прелестная девочка, московская гостья, которая самозабвенно увлечена гаврилинской музыкой, играла ее чуть ли не с младенческих лет. В их семье царит культ музыки Гаврилина. И бабушка Леночки, К. Ф. Елизарова, физик по профессии (а дедушка ее - известный ученый-медик), специально привозила внучку по ее просьбе на родину композитора, и они ездили по гаврилинским местам. Все это по-своему очень трогательно.

***

А Тевосяна я возил тогда в Кирики-Улиты, есенинские места под Вологдой. В прекрасную летнюю погоду мы совершили тогда шестикилометровую прогулку, и в наших разговорах есенинская и гаврилинская тема переплелись. И это не случайно. Ведь после появления «Русской тетради» Валерия Гаврилина его нередко в печати называли «музыкальным Есениным».

Мы с Тевосяном побывали у памятного камня, на котором высечена надпись, что на этом месте стояла церковь, в которой 30 июля 1917 года Сергей Есенин венчался с Зинаидой Райх.

Впоследствии все участники вологодской свадьбы - и Есенин, и Ганин, и Райх - погибли трагической смертью. И невозможно было представить, что мой собеседник, стоящий рядом со мной, тоже вскоре умрет.

Мы стояли тогда у старых берез, которые, наверное, еще помнили Есенина, и нам было хорошо.

Щурясь на солнце, Тевосян стал напевать какую-то гаврилинскую мелодию, потом мы вместе с ним запели есенинские «Глухари». И говорили о том, что Есенин и Гаврилин, один в литературе, другой в музыке, совершили великое дело - нашли гармоничное сочетание народного, фольклорного и городского, интеллигентного, профессионального искусства. Вот у поэта Клюева и выдающегося нашего современника Василия Белова все же есть противостояние «деревенского» и «городского». А у Есенина и Гаврилина обретена гармония между ними. И это очень важно для русской культуры.

И сияло солнце. И Есенин, и Гаврилин словно были рядом с нами. И пели птицы. И цвели цветы. И когда-то здесь счастливый, но безденежный Сергей Есенин нарвал красавице-невесте букет полевых цветов.

Но вернусь к Валерию Гаврилину. К тому времени, когда он стал воспитанником вологодского детдома.

Глава 3

По солнечному лучу

Повторю: для одиннадцатилетнего Валерия было огромным потрясением то, что арестована мать и он сам оказался в детском доме в Вологде. Душа мальчика переполнилась сложными и противоречивыми эмоциями. Ему было страшно. Казалось, вся жизнь перевернулась.

Впоследствии в интервью журналу «Карьера» (1991 г.) он гово-

рил: «Это было так страшно, что даже вспоминать не хочется. Я ведь был сугубо деревенский парень, ничего не видел, нигде не был. Мне показалось, что я попал в совершенно бесовский город - огромное количество людей, дома, духота, совершенно другая речь. Все мне там было чужое, я находился в каком-то оцепенении. Если бы не крестная, которая ко мне туда приезжала, возила к матери, а на лето вообще забирала к себе, я не знаю вовсе, как бы это я пережил...

У нас ведь места ссыльно-каторжные. Нам с крестной пришлось все эти лагеря объезжать. Я там насмотрелся такого зла и наслушался такой музыки, что меня до сих пор трясет от воспоминаний».

Тема глобального зла, бесовства, пройдя сквозь детскую душу, будет и впоследствии вызывать яростный протест и отпор в творчестве Гаврилина. Притом на самом высоком уровне.

«Путешествуя (для свидания с матерью) по тюремным лагерям Вологодчины, много любопытного увидел я, в особенности из жизни так называемых блатных. Запомнился мне, в частности, сигнал, каким обменивались «блатной» и «блатнячка», желающие совокупления. 30 лет спустя я снова увидел его, сразу узнал и удивился: в балете «Анна Каренина» в Большом театре этим сигналом обменялись Вронский и Анна в первое свое знакомство. Жест выразительный, возбуждающий, дурно пахнущий. После чего окружающие удалялись, оставляя пару в одиночестве. Так в блатном царстве. Из театра же никто не уходил».

С подобным Валерий Гаврилин смириться с детства не мог и противопоставил впоследствии темному, низкому, сатанинскому светлый мир своей музыки. Может, вот из такого резкого, пришедшего из детства столкновения света и тьмы и возникает настоящее искусство? Может, такое даже нужно искусству? Но это будет потом... А тогда, в детдоме, в душе его постепенно происходил перелом. Детский дом в Ковырине при всей бедности тогдашнего быта и тогдашней жизни оказался добрым домом. Здесь работали хорошие люди, простые, но чутко понимавшие, как много горя хлебнули их воспитанники, как нуждаются они в домашнем тепле и добре. И маленький Валерий Гаврилин почувствовал это,

и постепенно оттаяла замерзшая, сжавшаяся душа мальчика. И постепенно он не только принял, но и полюбил детдом и Вологду, которая стала для него родной.

Надо сказать, что Валерий Гаврилин попал в интересное историческое место. Ковырино, собственно, не город, во всяком случае, тогда не было по-настоящему городом. Это пригородное село, ставшее частью Вологды лишь в последние десятилетия, дворянская усадьба, известная еще с XVI века. В конце XVII века частично принадлежала князьям Шаховским. В XIX веке здесь был построен большой двухэтажный барский дом, который окружал огромный парк с прудами и фруктовый сад. В XIX веке владелица имения В. А. Засецкая содержала здесь даже приходское училище. Затем усадьба принадлежала генерал-лейтенанту В. П. Наболову и майору фон Тюмену. Вот в таком бывшем дворянском гнезде и размещался детский дом, куда попал Валерий Гаврилин. Правда, до этого в советское время временно здесь находился совхоз, затем центр поселка для рабочих «Октябрьский».

А в 1928 году в Ковырине создали детский дом, куда его первый директор А. Х. Романова привезла из Дюдиковой пустыни под Прилуками двадцать колонистов, ставших его первыми воспитанниками. И здесь закипела по-своему интересная жизнь в стиле Антона Макаренко. Было налажено образцовое хозяйство. На 20 гектарах земли выращивали овощи, фрукты, ягоды, которых хватало до нового урожая, сеяли зерновые. Была своя ферма, разводили кроликов, гусей, уток. Имелась даже пасека. Воспитанники выращивали урожай, ухаживали за животными, доили коров, вели учет продукции. И Валерий Гаврилин вспоминал об этом «с великой благодарностью. Да, мы там работали, но работа была нам в радость». И вместе с тем в детдоме дети не только были накормлены и одеты, учились в школе, но и по мере возможностей получали художественное воспитание. Здесь было «много разных кружков. В этих кружках я начал свой творческий путь».

«С миром музыки я столкнулся в детдоме в Вологде, - вспоминает Гаврилин. - Я в первый раз увидел пианино, услышал, как на нем играют (у нас был оркестровый кружок народных инструментов), и я увидел, как дирижируют. И возникла у меня такая страсть

к этому, что я сам стал ноты рисовать, музыку подбирать и сочинять. Тогда меня отдали в музыкальную школу... Времена были тяжелые, но воспитывали нас хорошо. У нас в детдоме был и балетный кружок, который вела профессиональная балерина. Мы даже ставили сцену в подводном царстве из «Русалки».

А потом произошла встреча с Т. Д. Томашевской, учителем музыки, которая сыграла огромную роль в его жизни. Валерий Александрович будет считать ее для себя родным человеком и скажет так: «Я иду в этом мире по солнечному лучу, потому что ввел меня в музыку и дорогу проложил человек солнечный - Татьяна Дмитриевна Томашевская». Она заменила ему мать.

Татьяна Дмитриевна Томашевская опубликовала в последние годы подробные и замечательные воспоминания о Валерии Александровиче, отсылаю читателя к ним. Приведу из них лишь небольшие, самые характерные фрагменты и кое-что перескажу.

Они встретились на репетиции хора. И она сразу обратила внимание на мальчика в верхнем ряду, который «пел так увлеченно, с такой самоотдачей. Глянула на него мельком - и глаз отвести не могла. А он не сводил глаз с руководителя, ловил каждый жест, каждый взгляд. Спели, начался обычный ребячий шум, разговоры, а он стоит молча - лицо так и светится».

Через некоторое время они познакомились. И она убедилась - это необычный мальчик. В нем есть искра Божья. Ее поразила его жажда заниматься музыкой, как можно больше знать, какая-то детская серьезность. И она сама предложила Валерию заниматься музыкой с ним отдельно. Он воспринял это с огромной радостью. «Учился он с благоговением». В детдоме было старенькое пианино, и выяснилось, что Гаврилин украдкой играл на нем даже по ночам. Т. Д. Томашевская приводит такое воспоминание директора детдома А. Х. Романовой: «Сплю и сквозь сон слышу звуки музыки. Три часа ночи, радио, конечно, выключено. Встаю, пошла на звуки. Дергаю за дверь, а зал изнутри заперт. Стучу, вынимает стул из ручки двери, стоим на пороге друг перед другом. «Что ты здесь делаешь ночью?» - «Учу урок». Пришлось мне его немедленно отправить спать». Играть по ночам с тех пор

ему было запрещено, иначе бы играл. Это уже творческая одержимость, признак особой одаренности.

И, конечно, вскоре он начал сочинять сам. Первым его сочинением, как вспоминает Т. Д. Томашевская, был вальс, записанный на листочках из школьной тетради в линейку. Причем юный композитор еще не знал музыкальных терминов и писал по-русски: «Чуть сдержаннее», «немного взволнованно», «не замедлять» и так далее. Первое сочинение он, конечно, посвятил своей учительнице.

«За полтора года Валерик написал два вальса, две польки, анданте, партитуру для хора и солистов, песню про кота (для детского ансамбля), романс на стихи Г. Гейне «Ты голубыми глазами», шуточную песню «Ты не пароход». Некоторые из этих пьес он дарил мне: «Вальс посвящаю Т. Д. 9.03.53 г.», «Полька» - посвящаю Т. Д. Томашевской, 1951 г.». А в ее день рождения подарил ей песню на слова Г. Гейне «Красавица-рыбачка». Так рождался композитор Гаврилин. А Гейне с детства стал для него одним из самых любимых поэтов.

Но что же дальше? И тут по воле счастливого случая в Вологду приехал из Ленинграда доцент знаменитой Ленинградской консерватории И. М. Белоземцев (шел 1953 год). Было решено показать ему одаренного мальчика, устроить прослушивание. Цель - нельзя ли определить его в музыкальную школу при консерватории? Татьяна Дмитриевна вспоминает, сколько было волнений, ведь решалась судьба Валерия Гаврилина. Прослушивание сначала шло не очень удачно. «Я внутренне сжалась. Играл немного поспешно и как-то очень формально, как никогда до того не играл на уроках». Пытаясь исправить положение, Томашевская предложила Белоземцеву послушать гаврилиныские сочинения. Он взял ноты «Красавицы-рыбачки», заиграл. Но тут неожиданно раздался голос Валерия: «Извините, я хотел бы сыграть сам. Может быть, вы не все поймете в моих нотах». Эта дерзость могла кончиться весьма печально, но Белоземцев заулыбался и предложил Гаврилину играть самому. И произошел перелом. Услышанное понравилось гостю.

Но было серьезное препятствие - в специальную музыкальную

школу при консерватории принимали особо одаренных детей с четырех-пяти лет. А Гаврилину было уже четырнадцать. В таком возрасте сюда никого не брали.

И были другие препятствия. Валерия Гаврилина, оказывается, после детдома уже распределили в ФЗО в один из районов области, и это было «окончательное решение». А ФЗО означало только одно - прощай, музыка. И не было бы, наверное, композитора Гаврилина.

И к тому же было неизвестно, как отнесется к таким переменам мать Валерия, Клавдия Михайловна, находившаяся тогда в вологодской тюрьме.

Т. Д. Томашевская вспоминает, как и с какими тяжелыми внутренними переживаниями она посещала тюрьму, как добилась свидания с Клавдией Михайловной, чтобы получить согласие на поездку ее сына в Ленинград на приемные экзамены. И как Клавдия Михайловна, сломленная своими переживаниями, закричала ей в лицо: «Никогда!» И как это было сложно - уговорить ее. И все же Клавдия Михайловна в конце концов сдалась: «Пусть едет. Поцелуйте его за меня и скажите, что я ни в чем не виновата».

Впоследствии Валерий Александрович скажет, что он никогда не пытался узнать, за что арестовали мать. Он верил в ее невиновность. В детском доме были и другие воспитанники, родители которых находились в тюрьмах и лагерях. Это была запретная тема в детдоме. Об этом здесь никогда не говорили, не обсуждали - ни воспитатели, ни дети. Это было слишком больно. Но у этих вологодских детей, как у Валерия Гаврилина, судьбы все же складываются благополучно: они оказались в детдоме в хорошем коллективе. Но в одной из своих публикаций впоследствии Валерий Александрович с болью написал о тех детях, которых репрессировали вместе с родителями. Существовали специальные детские концлагеря, и один из знакомых композитора пережил такую страшную судьбу, о чем и рассказал Валерий Александрович.

Во время сталинщины его родители, обвиненные в шпионаже, были уничтожены, а он, малое дитя, вместе с сотнями других таких же несчастных был помещен в детский концлагерь. Дети работали на трелевке, на лесоповале, обращение было самое жес-

токое. Побои, наказание голодом - дело было самое обычное. Самое страшное - наказание «серым волком». Нашалившего ребенка охранники (люди в большинстве молодые) выводили на ночь из барака, приходили волки и ребенка съедали. И в этом царстве беспросветного, чудовищного, сатанинского зла единственными существами, которые проявляли к детям истинно человеческое отношение, были... крысы. Дети играли с ними, как с котятками, и не было случая, чтобы крыса тронула ребенка. Бараки были из вагонки, и зимними морозными ночами крысы укладывались на детей и согревали их, как одеялом. Крысы были большими гуманистами, чем те, кто смел называть себя людьми».

Какой это потрясающий гаврилинский рассказ!

Эх, Россия, горькая и страшная наша земля! Сколько в тебе было горького и страшного. Но ты, Россия, - наша родина, другой родины у нас нет и нам ее не надо. Потому что мы верим: высоко-го и светлого в тебе, Россия, больше. И ты, Россия, не дала погубить талант Валерия Гаврилина. Ты, Россия, помогла раскрыть и взрастить его светлый огромный талант.

Валерий Александрович как-то сказал, что вместо отъезда в район, в ФЗУ, он ждал поездку в Ленинград «как чуда».

Глава 4

Интернат. Объяснение в любви

...Девочка не ответила на его несмелое любовное признание. И придя в свое общежитие, в свой интернат, Валерий Гаврилин написал грустные стихи, которые заканчивались такими словами:

*Собакою вечер улегся
на землю,
Вбирая вселенную
черным носом.
Вот и прошло
объяснение в любви -
Как смешно
и как просто.*

***

Но это будет потом, спустя годы. А пока шел 1953 год, переломный год в судьбе подростка Валерия Гаврилина.

Чудо свершилось. Он был принят в специальную музыкальную школу-десятилетку при Ленинградской консерватории. Это было счастье. Ленинград, знаменитая школа, мир музыки! Но когда схлынули радостные эмоции, переполнявшие душу, в какой-то мере наступило разочарование.

«Я мечтал о Ленинграде как о чуде. У меня был пакетик с маленькими черно-белыми фотографиями с видами Ленинграда. Фото были глянцевые, улицы на них блестили и переливались. А когда впервые оказался на этих улицах, был страшно поражен: вместо блеска - грязь и копоть».

И условия в знаменитой школе оказались по-советски убогими. Переполненное общежитие в интернате. Старая мебель, плохое питание.

«Ой, Господи, какое это было полуголодное существование! Вопиющая бедность! Каким раем казался мне тогда мой детский дом. Да и одежду нам выдавали неопишущую: почти рвань».

Были и многие другие трудности. Сначала что-то не складывалось.

«И потом, здесь меня очень плохо встретили. Лет было много - четырнадцать, а играть я толком ничего не умел. Школа была такого ранга, что четырнадцать лет - это уже мировой уровень».

Директором школы оказался вологжанин Владимир Германович Шипулин, племянник знаменитого в Вологде врача. Наверное, как земляка он меня и взял».

И подросток Валерий Гаврилин понял: настает решающий момент его жизни, и теперь многое зависит от него самого. И он сам стал создавать в себе музыканта - огромным трудом, одержимостью.

«Мне страшно хотелось учиться музыке, но когда в первые два дня я увидел, что делают ребята, услышал, как они играют, то меня взяла оторопь. Я решил, что мне надо придумать. Я занимался почти сутками, в первое время спал по четыре часа. Сейчас самому с трудом верится, но за год я переиграл все симфонии Бетховена, к тому же еще играл Гайдна и Моцарта. Надо

сказать, что у нас все очень много занимались. Среди музыкантов конкуренция очень жестокая, нам это и педагоги давали понять: если не будешь лучше всех, то из тебя ничего не выйдет.

Приняли меня, как переростка, на кларнет (педагог М. А. Юшкевич)».

Но при всем умении педагога и старании ученика поначалу что-то не получалось. Кларнет - это все-таки было не его, не присущее ему. И даже возникала угроза отчисления. Но все резко изменилось к лучшему, когда Валерий Гаврилин стал заниматься по классу фортепиано (педагог Е. С. Гугель) и в классе композиции (педагог С. Я. Вольфензон). О них Гаврилин всегда отзывался восторженно, с любовью. С. Я. Вольфензон, добрейший, бескорыстный и чуткий человек, открывший и воспитавший многих композиторов, открыл композитора и в вологодском подростке Гаврилине. И огромную благодарность он навсегда сохранил к Е.С. Гугель, которая очень много дала ему.

И к Ленинграду Валерий Гаврилин стал относиться иначе: «А полюбил я Ленинград на втором году жизни здесь. Пошел почему-то в шесть утра прогуляться по Исаакиевской площади и, когда дошел до ограды Александровского сада, вдруг все увидел и вспомнил: необыкновенное солнце, зелень, резная ограда - да это же мой старый сон, он мне еще в Вологде снился. С тех пор город стал мне родным».

Постепенно родным стал для Валерия Гаврилина при всех его минусах и сам интернат. Появились близкие друзья - Вадим Горелик (Войлер) (скрипач, ныне живет в Германии) и Виктор Никитин (ныне дирижер-хормейстер, живет в Санкт-Петербурге). Последний впоследствии вспоминал: «Нас так и называли - «три В»: Валерий, Вадим, Виктор. Школьное товарищество мы пронесли через всю нашу жизнь...» «Мы были с ним как братья», - добавит В. Войлер.

В воспоминаниях этих друзей Валерия Александровича встает своеобразный быт этого интерната, здесь было все - и дружба, и фанатичное, истовое служение музыке, и школьные шалости, и соперничество. Да, были и те, кто недоброжелательно относился к Гаврилину. Но большинство уже беспрекословно признавали его авторитет - за одаренность, большие знания (он читал и знал чуть

ли не больше всех), за какой-то особый высокий склад души. У него появилось уважительное прозвище - «Валера Великий». «Все, что он ни делал, он делал очень талантливо: талантливо дружил, талантливо любил, талантливо хохмил» (В. Войлер). «Хохм» и «закидонов» у него было много.

Сам Валерий Александрович вспоминал об интернатовской жизни так: «Мы жили удивительно дружно, очень бедно, голодно, но дружно и фанатично занимались музыкой. Мы воистину поклонялись ей. Мы знали всех исполнителей, всех композиторов, у нас был кумир - Шостакович, и мы буквально молились на его каждую ноту. И поверьте, не было у нас ни пьянства, ни тяги к куреву, и уже подавно, как сейчас принято это называть, секса».

И начиналось уже серьезное, настоящее творчество. Ученик школы Валерий Гаврилин по существу уже на школьной скамье становился композитором. За годы школьной учебы им сочинены струнный квартет № 1, прелюдии для фортепиано, сонатина для фортепиано, пьеса для виолончели «Холовлиня», песни: «До свидания» (посвящена товарищу по школе Лерику Холостякову) и «Lied-tanz Aschmadcen» («Песня-танец Золушки»).

Были и творческая радость, и разочарования. Бывший ученик школы М. Белодубровский, говоря о том, что интернатовской жизни была свойственна своего рода «игра», пишет так о первом квартете Гаврилина: «...История квартета, в частности, реальный или вымышленный факт его сожжения, который можно расценивать как результат творческой неудовлетворенности автора (своеобразное копирование гоголевской акции), для меня темен. Возможно, сожжение было и тем и другим, т.е. той самой столь характерной для интерната «жизнью-игрой».¹

А В. Войлер пишет, что в шестнадцать лет Гаврилин «был страшно разочарован в жизни, сомневался в своем даровании». И даже говорил о самоубийстве. И начал настаивать в воде серу, чтобы отравиться. Войлер, как верный друг, стал следить за Валерием, чтобы не допустить подобного. Но в чашку с серой попали кусочки дерева. И Валерий сказал, что от этого «аппендицит в два счета будет». И рассмеялся. Вот на такой юмористической ноте за-

¹ Это была мистификация. Ноты квартета сохранились, и он исполняется ныне.

кончилась эта трагикомическая история с неудавшейся, к счастью, попыткой гаврилинского суицида».

Все это - свидетельство сложного внутреннего мира талантливого человека с его непонятными большинству коллизиями, его самоигрой.

Валерий вступил в комсомол. Он искренне верил в советские идеалы. «Я искренне верю в комсомол... Вспомните целину. Это такой подвиг, равного которому нет в истории». Но он чувствовал какое-то несоответствие между тем, что провозглашалось и что было на самом деле. Он пытался это объяснить какими-то частными причинами. «Наша организация, извините, стадо баранов. Руководители - или маленькие бюрократики, или слабовольные болтуны». В талантливом, незаурядном юноше возникает внутренний скептицизм, критическое отношение к действительности. В частности, он пишет сатирический литературный этюд: «История моей (нашей) жизни». Вот характерные фрагменты из него:

«Начальники - высшие люди на свете. Они приказывают. Остальные вынуждены выполнять их приказы. Что создает основной антагонизм...

Изъять все наклонения, кроме повелительного...

Все станут начальниками. А если вдобавок к этому изъять точки и вопросительные знаки, оставив лишь восклицательный, то солнце вечной бодрости и энергии никогда не исчезнет из сердец благородных граждан прекрасного бессословного государства». (В. Гаврилин, Сочинения, т. XXIX, ст. 545, изд. 1912).

Это все - сатира, мистификация, литературная игра, очень своеобразное, критическое восприятие реальности.

Валерий Гаврилин начинает вести свои записи. Здесь и стихи, и литературные сценки и этюды (повторюсь - он был ярко одарен литературно), и размышления о музыке и литературе: о Пушкине и Толстом, о Глинке и Даргомыжском, Тургеневе и Блоке, Острейхе и Прокофьеве. О немецкой культуре, которая была ему очень близка, о любимом поэте Генрихе Гейне, великих германских композиторах. Много о своих учителях, воспитателях.

М. Е. Белодубровский дает колоритную характеристику преподавателям в интернате. Он восторженно пишет о таких выдающихся

специалистах («институт кумиров»), как В. И. Шер, С. Я. Вольфензон и другие. И были замечательные педагоги-общеобразовательники: Н. Н. Наумова, великолепный знаток литературы, повлиявшая и на литературные вкусы Валерия Гаврилина; химичка С. И. Маркон, мать известного впоследствии скрипача Марка Комиссарова, и другие. И были воспитатели в интернате, «люди самых разных профессий и уровней культуры, попавшие сюда только потому, что больше не могли нигде устроиться». И примитивизм вступал в контраст с одаренностью учащихся. Легендарными, к примеру, были высказывания военрука Бореиши: «Взрыв атомной бомбы приводит к обугливанию личного состава».

И вот в интернатовской жизни произошло событие - появилась новая воспитательница, Наталия Евгеньевна Штейнберг. В. А. Войлер вспоминает: «22 октября 1956 года произошло важное событие в нашей жизни. Когда мы были в десятом классе, к нам в интернат пришла работать новая воспитательница, недавно закончившая Ленинградский университет. Она была еще не взрослой, но уже не студенткой, и понимала нас лучше, чем другие наставники. Быстро стала у всех воспитанников непререкаемым авторитетом.

Часами напролет мы беседовали с ней об искусстве, о музыкантах, о поэзии. Время ее дежурства становилось для нас праздником. Невысокого роста, черненькая, с румянцем во всю щеку, она стала для нас настоящим «властителем дум». Мы все были буквально влюблены в эту удивительную девушку. Но повезло только одному - Валерию Гаврилину».

В записях Валерия Гаврилина появляется ее имя: «Ната Евгеньевна». Он с огромным энтузиазмом играет в спектакле «Баня» по пьесе Маяковского, который ставит Наталия Евгеньевна. Он является ее главным помощником по выпуску стенгазеты.

Но главное - в его жизнь вошла любовь. Он был целомудренным юношей, робевшим перед девушками. «Мы воспитывали в себе мужскую целомудренность и осуждали тех, кто не прочь был «побабничать».

Но он был необычный юноша. И любовь его была необычной. И предстояло необычное событие в его жизни - объяснение в любви своей воспитательнице.

Знак судьбы Валерия Гаврилина

Тогда она была просто Наташа, хотя, конечно, на работе ее называли Наталией Евгеньевной. Конечно, для нее, молодой учительницы, это была ответственная, сложная, но интересная работа. Ведь здесь учились музыкально одаренные воспитанники, собранные со всей страны. И эта школа-интернат при знаменитой Ленинградской консерватории была широко известна.

Она навсегда запомнила свой первый выход на работу - 22 октября. Обязанностей у нее было много - такова работа воспитателя. И выяснилось, что среди этих обязанностей - выпуск стенной газеты в интернате. И ей объяснили, что в первую очередь надо познакомиться с воспитанником Валерием Гаврилиным, который занимается стенгазетой. С этого все и началось.

Но так получилось, что Гаврилина она сразу почему-то не нашла. А когда спросила о нем у других воспитанников, то услышала:

- А, Валерий Великий... Мы его Великим зовем. Такое у него прозвище.

Видимо, это прозвище возникло потому, что он выделялся среди сверстников своими способностями. И впоследствии она не раз слышала: он так много знает. Может из Гоголя и «Войны и мира» Толстого многое рассказывать как наизусть, близко к тексту. Но про это она узнает потом...

- А как он выглядит?

- В очках. Черноволосый. Голову в плечах держит.

И она его сразу узнала - по этим описаниям. Встретились случайно на лестнице. Но она почувствовала - это и есть тот самый Гаврилин. И она спросила его сама:

- Вы Валерий Гаврилин?

- Да, - ответил он удивленно и настороженно. - А что?

- Я - ваша новая воспитательница. Меня зовут Наталия Евгеньевна. Мне сказали, что вы занимаетесь стенгазетой. Будем заниматься этим вместе.

И произошла неожиданность. Без всякой причины он отреагировал на это нервно и эмоционально:

- Нет, нет! Я этим заниматься не буду! Не хочу!

И без всяких объяснений быстро пошел по лестнице. Она с горечью подумала, что ему чем-то не понравилась. Но потом выяснилось, что все как раз было наоборот. Просто он был временами способен к неожиданным поступкам.

Так началось их знакомство. Вскоре их отношения наладились. Они стали вместе выпускать стенгазету.

Наталия Евгеньевна вспоминает об этом времени так (газета «Сокольская правда»):

«В первые месяцы моей работы он стал проявлять повышенное внимание ко мне и своего интереса не скрывал. Часто прибегал в дежурку воспитателей, если меня не было, спрашивал: «А где Наталия Евгеньевна? Когда она придет?» Чтобы связать с ним свою судьбу - и мыслей таких не было.

Мама моя, Ольга Яковлевна, была режиссером. Она познакомилась с Валерием. Жизнь в интернате была довольно трудная, ребята часто недоедали, и я старшеклассников вместе с ним приглашала несколько раз к себе домой просто покормить как следует. Готовила то, чего они там не имели. Мама познакомилась с Валерием, у них зашел творческий разговор. Она ему сказала: «Можешь свою музыку у меня попробовать». Свела его с некоторыми руководителями художественной самодеятельности, и он стал писать музыку к балету «Клоп». Тогда он говорил: понял, что своим трудом может зарабатывать. Платили мало, но была гордость, что уже может заработать».

Отношения молодой воспитательницы и ученика стали дружескими. Она была прикреплена к седьмому классу, а он учился в десятом. Но уже искал любого повода для встречи с ней. Она почувствовала: он проявляет к ней особое внимание, но отнеслась к этому спокойно. Ведь до этого три года проработала в школе на станции Медведево, и ей, симпатичной, интересной девушке, уже приходилось сталкиваться с юношеской влюбленностью некоторых старшеклассников. Она считала, что это юношеское, проходящее. Но Валерий Гаврилин был другим, не похожим на большинство сверстников...

Впоследствии Наталия Евгеньевна рассказывала об этом так...

«Он своего особого отношения ко мне ни от кого не скрывал. Все время старался мне помогать. Когда я заболела, волновался, звонил, интересовался моим здоровьем. Дарил мне свои фотографии, на 8 Марта опустил в почтовый ящик поздравление со стихами. И посвятил мне две свои прелюдии. Осенью 1958 года он впервые заговорил со мной о своих чувствах. Я сначала отнеслась к этому скептически. Я еще не была влюблена в него, и к тому же - разница в годах. И ничего ему не сказала. Но он к этому неоднократно возвращался.

Перед выпускным вечером заявил мне со значением: «Наталия Евгеньевна, я вам скажу на выпускном что-то очень важное». Но так и не сказал. А попросил разрешения навещать меня в интернате. Он поступил в консерваторию, был очень занят. Но когда у него выпадало свободное время, приходил ко мне в интернат.

Но вот однажды мы оказались в гостях у одной моей знакомой, а в ее квартире был рояль. И его попросили: «Валерий, сыграйте нам что-нибудь». Он сел за рояль. Я на него посмотрела и как будто увидела впервые. Я знала, что он одержим музыкой, и вид за роялем у него был такой - не хочу говорить «одухотворенный», не хочу употреблять высоких слов - но во мне что-то совершенно изменилось.

Это было как озарение. Я поняла, что этот человек мне очень дорог. На его чувства ко мне я посмотрела иначе. Для меня какой-то новый человек открылся. И это решило нашу судьбу. Я сказала ему «да». Это произошло в июне 1959 года.

Он, такой молодой (ему было двадцать лет), был привержен старым традициям. Он просил моей руки у моих бабушки и мамы. Так мы стали мужем и женой. Жизнь была трудная, малообеспеченная. Но мы любили друг друга и были счастливы.

И все же я потом спросила: «Как ты на такое решился?» И он ответил: «Когда я тебя впервые встретил на лестнице, то сразу решил: я на ней женюсь».

И еще я спросила:

- Когда ты приехал в Ленинград?

Он ответил:

- 13 августа 1953 года.

А я ахнула:

- Ведь 13 августа 1953 года я уезжала из Ленинграда».

Во всем этом Наталия Евгеньевна видела знак судьбы, особое предназначение.

***

Все это связано с главной страстью Валерия Гаврилина - музыкой. Его бесконечной и великой любовью к музыке. Любовью к родине, к России. Любовью к человеку.

Ныне Наталия Евгеньевна - главная хранительница гаврилинского творческого наследия. Она - вдохновительница и участница многих мероприятий, связанных с памятью о Валерии Александровиче, в том числе - неперенный участник Гаврилинского фестиваля на Вологодчине, частый и почетный гость Вологды. Благодаря ей достоянием общественности стало многое из творческого архива композитора, вышли ценные издания, посвященные Валерию Александровичу.

А вологодская квартира Т. Д. Томашевской - по существу своеобразный музей Валерия Гаврилина со множеством снимков (это целая фотолетопись его жизни) и ценных материалов.

Глава 6

Мог ли он не стать композитором?

Кажется, что даже сама по себе подобная постановка вопроса возникнуть ныне не может. Мог ли Валерий Гаврилин не стать композитором? И, разумеется, каждый из нас сегодня ответит: он должен был стать композитором - это бесспорно. Но тем не менее... В жизни все гораздо сложнее.

Конечно, творческое начало уже полностью завладело его душой. Но между творчеством и реальностью не всегда бывает гармония.

Вот фрагмент из записей Валерия Александровича того сложного периода его жизни, после окончания музыкальной школы.

«Холодным золотом глядится в мое окно утро. Облака, промерз-

шие и скучные, понуро висят над домом, покачиваясь и шевеля усами боками. Им неуютно и (*неразборчиво*) в то же время. Беспокойные крики птиц вырываются из-за сада, и черно-золотой воздух полыхает, истомленный последними объятьями с улетающей красотой осени. Летят, летят птицы. И я как птица. Чудным жаром охвачено мое сердце и кровь».

Сколько поэзии в этих гаврилинских словах! И более того - сколько скрытой музыки. Читаешь это и словно чувствуешь какую-то далекую мелодию. Но мелодии, звучавшие в его душе, могли и не прозвучать, не воплотиться во что-то реальное.

Вот что кратко говорит сам Валерий Александрович о том периоде своей жизни:

«В 1958 году я закончил школу и поступил в консерваторию на отделение композиции в класс доцента О. А. Евлахова. В 1963 году с композиторского отделения перешел на музыковедческое отделение по специальности «народное творчество» (руководитель Ф. А. Рубцов). Окончил консерваторию как музыковед и экстерном как композитор в 1964 году.

По окончании консерватории поступил в аспирантуру (из аспирантуры выбыл по состоянию здоровья), а с 1965 года вел класс композиции в музыкальном училище при Ленинградской консерватории».

Внешне все вроде бы обычно, нормально, без потрясений. Но за этими скупыми автобиографическими строками стоит много сложного.

Крупнейшее личное событие - женитьба 22 июня 1959 года. Страстная любовь к своей бывшей воспитательнице Наталии Евгеньевне привела к созданию семьи. В мае 1960 года родился сын Андрей. Валерий Александрович проявил себя как любящий, истовый отец. Но было и бытовое неустройство, безденежье, отсутствие жилья, своей квартиры, своего рояля (инструмент брался напрокат). Только в 1964 году куплен собственный инструмент - рояль «Беккер». Лишь в 1966 году получена от Союза композиторов отдельная квартира.

И очень сложным являлся поиск самого себя, своего творческого пути.

***

Разумеется, мир каждого крупного художника сложен, неповторим и даже в чем-то непостижим до конца. Тем интереснее попытаться проникнуть в него, соприкоснуться с поисками, взлетами и падениями мастера, почувствовать и узнать, как возникал тот или иной шедевр. Когда пишешь о мастерах далекого прошлого, особую роль играет художественная интуиция, понимание психологии творчества, что позволяет иной раз по-новому взглянуть на известные факты, предложить свою версию. Так я писал о Пушкине, Батюшкове, Гоголе и других выдающихся творцах.

У каждого из этих гениев были свои драматические ситуации, свои неудачи, «невидимые миру слезы». Достаточно вспомнить, как неудачно дебютировал в литературе Гоголь своим «Ганцем Кюхельгартеном». Кстати, Гоголь был внутренне близок Валерию Гаврилину, несомненно обладавшему ярким сатирическим дарованием. Не случайно впоследствии Валерий Александрович взялся за написание оперы «Ревизор»¹. И огромное творческое значение для него имела поэзия Батюшкова и Пушкина, о чем он, в частности, говорил мне.

Конечно, Батюшков, Пушкин, Гоголь и другие гении таят в своих судьбах и творчестве много загадок и тайн. Как и Гаврилин. Но у меня на этот раз, как у автора, ситуация качественно иная. Своего рода «путеводителем» по творческой судьбе Валерия Гаврилина мне служит самый близкий ему человек, его жена, теперь его вдова - Наталия Евгеньевна. Я спрашиваю ее - она отвечает.

Безусловно, Валерий Гаврилин был рожден композитором. Композиторский талант у него - от Бога. Таково было его земное предназначение. Но мне думается, что иногда терпят неудачу и бесспорно талантливые люди. Могло ли подобное произойти с Валерием Гаврилиным? Мог ли он не стать композитором?

- Он не мог не быть композитором, - так отвечает Наталия Евгеньевна.

Но тут же добавляет, что он мог не стать композитором по воле обстоятельств. Валерию Александровичу грозило распреде-

¹ Опера не была написана.

ление в далекое киргизское захолустье, где его талант мог и не реализоваться.

Произошло это при таких обстоятельствах.

Шел 1963 год. Тогда Гаврилин учился в консерватории на композиторском отделении. И почему-то, по его же признанию, не любил вокальной музыки, старался ее избегать. Но по учебному плану он был обязан представить такую работу. И его профессор Орест Александрович Евлахов прямо сказал ему, что если он не представит такой работы, то получит двойку по специальности. «Профессор Евлахов, у которого я учился, сказал: «Отчислят».

Я стал лихорадочно думать, на какие стихи написать мне музыку. И вернулся к любимому поэту своего детства Генриху Гейне».

И вот теперь он взял стихи Гейне в переводах разных авторов, кое-что даже сам перевел, у него выстроился цикл «Немецкая тетрадь». «Сам не заметил, как увлекся... Трудно объяснить, что почему получилось. Видимо, поэзия Гейне очень сильно связана с русской поэзией...»

В душе он чувствовал: это удача. И время подтвердило это, ведь «Немецкая тетрадь» - это уже крупное оригинальное произведение. Но произошло неожиданное, самое тяжелое.

«Принес профессору. Тот сказал: поразительно, но это еще хуже, чем... Тут он назвал известного композитора, которого в те годы не ставил ни во что...»

Профессор не принял «Немецкую тетрадь», она ему не понравилась. Гаврилин был убит этим. Его психологическое состояние было очень тяжелым. Он сказал: «Значит, я не композитор. Все кончено. Вернее, с этим надо кончать».

Слушая Наталию Евгеньевну, я представляю, как это было. Это самое страшное, самое тяжелое в судьбе творческого человека, когда он, будучи непонимаемым, теряет веру в себя и сам подписывает себе приговор. С ремесленником этого никогда не случается. С творцом может быть.

Г. Г. Белов, ныне профессор Санкт-Петербургской консерватории, композитор, а тогда просто «однокашник» Валерия Александровича, вспоминает, какая сложная ситуация складыва-

лась вокруг «Немецкой тетради», особо это касалось руководителя Гаврилина, профессора Ореста Александровича Евлахова:

«У меня с Гаврилиным состоялся короткий диалог, в котором он мне поведал свои опасения. Мол, Орест Александрович недоволен его дисциплиной, нерегулярностью и качеством композиторской работы, пропусками занятий. Но что он может поделать, если ему трудно живется, если приходится бегать по разным работам, если недавно его единственная пара обуви совсем расплавилась в духовке газовой плиты, куда он ее положил, чтобы подсушить. Вот и сегодня он с трудом представляет, как он будет играть и петь свой вокальный цикл, потому что весь рот и гортань у него обожжены горячей картошкой, которую он имел неосторожность второпях заглотнуть. Так, изрядно шамкая и шепелявя обожженным языком, показывал Гаврилин в тот день членам кафедры композиции свою теперь ставшую классической «Первую немецкую тетрадь». Меня еще тогда поразила искренняя и страстная эмоциональность, фактурная выделка, талантливость этой музыки: это было первое гаврилиновское произведение, которое я услышал целиком. Но профессор Евлахов настаивал на ущербном качестве этого сочинения. Мою тревогу за судьбу Валерия развеял Вадим Николаевич Салманов, решительно вступившийся за цикл Гаврилина (и я поддержал друга). В результате зачет состоялся».

Конечно, зачет был важен. Но Гаврилин тяжело переживал случившееся.

Гаврилин бросает композиторский факультет. Безусловно, это был один из самых критических моментов его творческой биографии. Он переходит на музыковедческий факультет, фольклорное отделение. Постепенно как бы успокаивается, кризис проходит. Его наставником становится замечательный знаток фольклора Феодосий Антонович Рубцов. Но можно предположить: все случившееся осталось незаживающей раной в глубине души. Музыковедами могут быть многие, композиторами - лишь избранные.

Но Гаврилин с энтузиазмом погружается в стихию фольклора. Это врачует душу.

Были фольклорные экспедиции на Смоленщину, родную Вологодчину, в Тверскую область. А первая фольклорная экспедиция - по Псковщине под руководством известного фольклориста Н. А. Котиковой. Гаврилин, по его словам, за годы учебы в Ленинграде как бы отошел от мира народного творчества, от фольклора, столь родного для него с вологодского детства. И вот теперь возвращался к нему.

В 1962 году - фольклорная экспедиция в Лодейнопольский район Ленинградской области. Записана и позже расшифрована 91 песня.

Музыковед-фольклорист С. В. Пьянкова, участница этой экспедиции, вспоминает, с каким увлечением Гаврилин слушал песни простых сельских тружеников. В том числе как Валерий Александрович записывал песню о «Соловеюшке премилой», спетую крестьянкой Р. И. Смирновой. С. В. Пьянкова пишет: «А с «Соловеюшкой премилой» я встретилась три года спустя в «Русской тетради». Интонации лодейнопольских песен - лирических, плачей, частушек, новаторски претворенных, звучат на протяжении всего цикла, и напев «Соловеюшки» среди них один из ведущих. Он (единственный!) использован как цитата в полной безысходности кульминации седьмой части на словах «И я девчоноч(и)ка... Девчоноч(и)ка счастливая была».

До выдающегося гаврилинского творения - «Русской тетради» - еще было далеко. Но она интуитивно уже начиналась...

Между тем «Немецкая тетрадь» имела большой успех. И это повлияло в том числе и на профессора Евлахова. Ему пришлось переоценить гаврилинское сочинение.

Композитор Н. С. Лебедев (1947 - 2000) вспоминал, как проходила премьера «Немецкой тетради» в зале Ленинградского союза композиторов. Это было 20 января 1962 года. Тогда состоялся концерт молодых авторов, большинство из них были еще студентами и аспирантами, о которых вскоре заговорили как о «ленинградской волне» в музыке шестидесятых годов. Валерий Гаврилин являлся лишь одним из них. Но, как пишет

Н. С. Лебедев: «Гаврилинская «Немецкая тетрадь» выделялась большим своеобразием и яркостью, что позволило некоторым назвать его вторым Свиридовым». Это было уже признание, но еще довольно узкое, среди специалистов. Широкой аудитории имя Гаврилина продолжало оставаться неизвестным.

Кстати, Н. С. Лебедев, поступив в музучилище при консерватории, был учеником Валерия Александровича и вспоминает, что «преподаватель Гаврилин был в силу своей чрезвычайной одержимости замечательным. Все в нем излучало талант. И в преподавательской деятельности он был неистов». Лебедев добавляет: «Работать надо было фактически, по требованию В. А., все свободное время, исключая короткий сон, причем по Джеку Лондону, то есть 4 часа в сутки». Гаврилин воспитал многих отличных музыкантов. Но главным все равно было, конечно, творчество, создание собственной музыки, что шло непрерывно.

К 1964 году Валерием Гаврилиным написано уже многое. Вот сочинения только 1963 года: поэма для скрипки и фортепиано, диптих «Памяти павших» и «Людям мира» (стихи В. Васильева и С. Зденека), сюита для симфонического оркестра «Тараканище» по К. Чуковскому, песня «Я приехал на Кавказ» (стихи С. Михалкова).

1964 год. Гаврилин заканчивает консерваторию и по распределению должен ехать на работу в музыкальное училище в горный городок Ош в далекую Киргизию. Но возможно ли реализовать себя, получить известность в качестве композитора в далеком киргизском захолустье? Конечно, нет!

Но, как вспоминает Наталия Евгеньевна, внезапно позвонил Орест Александрович Евлахов. Тот самый, который забрал «Немецкую тетрадь». Прошло два года, и в душе Ореста Александровича произошла переоценка этого произведения. И, конечно, повлияли высокие отзывы на «Немецкую тетрадь». Евлахов предложил Гаврилину сдать экзамен за композиторский факультет и поступить в аспирантуру консерватории. А дипломной работой должна стать та же «Немецкая тетрадь».

Судьба совершила крутой поворот.

Глава 7

«Русская тетрадь»

«Что мне шумит? Что мне звенит издалика?» - это слова из «Слова о полку Игореве». Неведомый нам автор этого шедевра, приступая к созданию своего творения, словно еще не знает, что и как он будет писать. Но он уже почувствовал пока неясный, но неудержимый творческий зов в своей душе. В нем оживает еще никому и даже самому неизвестное его творение. Через несколько веков выдающийся романтик Александр Грин скажет: «Мы оглядываемся, пытаюсь понять, откуда прилетел этот зов». Так совершенно необъяснимо, странно, таинственно рождаются шедевры. Толчком к созданию шедевра может быть событие и крупное, и вроде незначительное, может быть и радость, и печаль, и счастье, и трагедия.

Толчком к созданию гаврилинского шедевра «Русская тетрадь» послужила трагедия, вроде бы частная, никак не повлиявшая на мир и миром не замеченная, - смерть юноши, хорошего парня, но неизвестного, еще ничем себя не проявившего, более того, далекого, незнакомого для Валерия Гаврилина. Но такова особенность души творца-гуманиста: он не может смириться с чудовищной несправедливостью - смертью молодого существа, только вступившего во взрослый мир, но еще не успевшего испытать одного из главных таинств бытия - любви.

Сам Валерий Александрович рассказывал об истории создания «Русской тетради» так:

- Как-то мне рассказали, что в одной из ленинградских школ умер от болезни десятиклассник, красивый, умный парень, которого все очень любили. Трагическая ситуация, и ничего нельзя в ней изменить. Умер, многого не узнав, не увидев, не полюбив.

А, наверное, есть где-то и девушка, которая бы его полюбила, будь он жив. И я решил написать о несостоявшейся любви от лица этой девушки, хотел написать поэму о любви и смерти. Каждую из восьми песен цикла я старался расположить так, чтобы уже само чередование выражало контрастность чувств, переживаний, заставляло следить за их сюжетом.

И композитор бросал своим творением как бы вызов самой смерти. Вот откуда глобальность этого произведения. Так создавался этот шедевр.

Вот что предшествовало созданию «Русский тетради» в 1964 году: кантата для хора «Мы говорили об искусстве» на слова В. Гаврилина, увертюра C-dur для симфонического оркестра, ария для скрипки и фортепиано, струнный квартет № 3, адажио для струнного оркестра, «Пассакалья» для струнного оркестра, интермеццо для симфонического оркестра, две пьесы для скрипки и фортепиано, сюита для двух фортепиано «Метро», песни « В пути» (стихи О. Высотской и А. Хмелика), «Всадник» (стихи С. Михалкова).

Это все как бы ступени к «Русской тетради». И вот 1965 год. Важное событие - Гаврилин принят в Союз композиторов. Происходит его активное сотрудничество с театрами. И создается чудо-произведение - «Русская тетрадь». Вокальный цикл для меццо-сопрано и фортепиано. Слова народные. Посвящение: «Это сочинение я посвятил памяти ученика 10-го класса 4-й ленинградской школы-интерната Руслана Пармёнова».

1. «Над рекой стоит калина»; 2. «Страдальная»; 3. «Страдальная»; 4. «Зима»; 5. «Сею-вею»; 6. «Дело было»; 7. «Страдания»; 8. «В прекраснейшем месяце мае».

Сам Валерий Александрович так характеризовал свое сочинение: «Это песни-воспоминания. На народные тексты, собранные в Ленинградской, Вологодской и Смоленской областях (я участвовал в этих фольклорных экспедициях). Что же касается музыки, то фольклорных цитат (народных мелодий) в ней нет. Но она непосредственно связана с интонациями народного творчества. Используются здесь разные песенные жанры. За внешне спокойной песней о первом свидании (но и в ней уже есть предчувствие тоски: «Буду ждать парня, ждать парня, ждать») идет будто бы частушка, игровая попевка «Что, девчоночки, стоите?», в ней как бы мимоходом проскальзывают слова: «Он уехал далеко»... Еще неясно, что разговор идет о смерти любимого человека. Потом опять воспоминание о свидании. Реально ощутимая тоска перемежается с галлюцинациями: «Я жена, жена мужняя!» - поет героиня, поет упрямо, как бы уговаривая себя... И вдруг sentimentalный романс, и она видит себя в саду, а навстре-

чу «девки идут, цветы несут» (это зимой-то!), и рядом, как рефрен, навязчивая идея: «Холодно, холодно мне»... «Я жена мужняя!» - уже торжественно, гордо возглашает героиня в заключительной песне «В прекраснейшем месяце мае». И только в эту минуту ударяет похоронный колокол... Вот так и построена «Русская тетрадь»...

Но невольно возникает вопрос - как может быть тема смерти городского юноши, не имевшего никакого отношения к фольклору, сельской жизни, не успевшего познать любовь, связана с песнопениями, вложенными в уста сельской девушки (скорее всего, девушки прошлого времени), с ее исконно народными представлениями о любви, притом несостоявшейся, трагической? И на это, на мой взгляд, нет ответа, объяснения, толкования. Это необъяснимо, есть единственное объяснение - чудо творчества.

Но, создав шедевр, Гаврилин испытал сначала немалые трудности. Г. Г. Белов вспоминал: «Позднее мне Валерий говорил, как трудно шло признание «Русской тетради» у ее первых исполнителей: Юренева и ее постоянный концертмейстер (пианистка Салтыкова) швыряли автору его ноты. Им не нравилась сюжетная канва, либретто они считали грубым и даже неприличным по тексту, вокальная партия казалась неисполнимой, недовольство вызывало и фортепианное сопровождение. Представляю, какого психического напряжения стоило ему все это выдержать и уговорить исполнителей довести работу над циклом до конца.

А потом, после всех этих мытарств и неприятностей, - перелом, сенсация, триумф. Снова цитирую Г. Г. Белова: «Хорошо помню первое (для автора, очевидно, пробное) исполнение четырех фрагментов «Русской тетради» весной 1965 года в Малом зале консерватории им. К. Н. Глазунова. Как это было ошеломляюще по свежести стиля, мощности темперамента, новизне певческих приемов, яркости колорита! Зал взорвался аплодисментами. Вероятно, то был первый крупный публичный успех Гаврилина. Затем состоялось прослушивание «Русской тетради» целиком - на правлении АО Союза композиторов, где впервые обозначились сторонники и противники его творчества. А в декабре этого же года - демонстрация цикла в Москве на Декаде ленинградской музыки: так началась слава Гаврилина».

Профессор М. Г. Бялик, секретарь Союза композиторов России, пишет: «Мне не забыть премьеры «Русской тетради» в Москве. Завершался большой фестиваль ленинградской музыки. Все официальные события уже состоялись, произведения, созданные масти-тами, прозвучали, критические отчеты написаны. Оставались лишь торжественный правительственный прием с возлияниями и угощениями да перед ним камерный концерт с малознакомыми композиторскими именами. Вот в этом концерте Юренева с Салтыковой и исполнили «Русскую тетрадь». Эффект был потрясающий. Много из того, что прозвучало ранее и показалось весьма ярким, поблекло, восторженный прием со стороны музыкантов и публики затмил успех остального. Потребовался иной критерий оценки всего фестиваля, и рецензенты бросились переделывать уже законченные обзоры. Каким счастливым был Свиридов! На приеме он не устал делиться с окружающими своей радостью от появления близкого ему по духу, но притом совершенно самобытного таланта. С тех пор и до конца своих дней Георгий Васильевич оставался преданным другом своему младшему коллеге и сделал ему много добра».

Как вспоминает певец Э. Хиль, Г. Свиридов сказал: «Появился гениальный композитор». Дружба творческая и человеческая двух выдающихся композиторов - особая тема.

Но вокруг «Русской тетради» возникли споры, о ней спорят и ныне. И будут еще спорить. И мнения будут неоднозначные, как и тогда, в 60-е годы.

Д. Д. Шостакович тогда писал в письме Мариэтте Шагинян: «Мне жаль, что Вам не понравилась «Русская тетрадь» Гаврилина. Мне кажется, что это исключительно талантливое и интересное произведение».

Тем не менее неприятие со стороны некоторых критиков было очевидно. М. Г. Бялик указывает: «Была еще категория недоброжелателей, которые не способны были понять и оценить ценность из-за собственной ограниченности. Судя о людях «по одежке», они видели в нем деревенского паренька, фиксирующего то, что подсказывает ему наитие эдакого композитора-интуитивиста». Своеобразная трактовка гаврилинского творчества имеет место

и у так называемых «деревенщиков», с которыми Гаврилин был долгое время духовно близок.

При очень высокой оценке «Русской тетради» высказываются и такие суждения.

Композитор А. Висков, которого я цитирую по повести В. И. Белова «Голос, рожденный под Вологодой», пишет:

«Вот героиня «Русской тетради». Ее мысли постоянно перескакивают, путаются. Никогда до конца не ясно, в каком времени, в прошедшем, настоящем или будущем, находится ее сознание <...>.

Сперва героиня словно обороняется от настигающих ее ужасных видений, в которых образ зла приобретает образ зимы. Она кричит и стонет: «Не трожь меня, зима, не боюсь я тебя!», а потом глухо начинает твердить: «Я жена, жена мужняя», постепенно переходя к торопливым, скороговоркой, подлинно фольклорным заклинаниям тоски: «Повешу тоску на зеленый сук» и т.д. Внезапно врываются грубые звуки городского вальса. Вроде как танцевала она когда-то с любимым, но мы-то понимаем, что это смерть отплясывает на костях ее возлюбленного... Она тупо воеет, и ужас с новой силой охватывает ее существо, и грозный образ зимы вновь начинает наступать. И уже непонятно, слышим ли мы страшные, нечеловеческие ее вопли, или это звучат голоса одолевающих ее бесовских сил».

Безусловно, тема безумия, темной иррациональности человеческой души имеет место в творчестве Гаврилина, есть она и в «Русской тетради». Подобно тому, как она есть у Батюшкова, Гоголя, Достоевского, Мусоргского, Верещагина. Но темная сторона души в творчестве Гаврилина, как и у классиков, не преобладает, она еще более вызывает потребность в свете, добре.

Лучшая исполнительница «Русской тетради», выдающаяся певица Зара Долуханова говорила, что этот цикл неизменно оказывал светлое действие на души людей, в том числе и зарубежных слушателей. Зара Долуханова приезжала с гастрольями и в Вологду. Более тридцати лет назад в газете «Красный Север» я напечатал интервью с ней, в котором замечательная певица сказала так: «Я много пела «Русскую тетрадь». Мало сказать, что я ценю это произведение. Я не знаю ничего выше в современной вокальной музыке этого цикла».

Присуждение в 1967 году Государственной премии имени Глинки

В. А. Гаврилину за «Русскую тетрадь» было национальным признанием. Но возникли и зависть, и соперничество. Н. Е. Гаврилина в разговоре со мной вспоминала: «После «Русской тетради» Валерий Александрович сказал: «У меня появились друзья и враги. И я понял, что как композитор я состоялся». Ему было тогда всего 28 лет.

Его «Русская тетрадь» вызывала и до сих пор вызывает споры. Но то, что это событие в нашей культуре, признавали самые высокие авторитеты. Г. В. Свиридов писал:

«Его «Русская тетрадь» - цикл песен на народные слова - в высшей степени самобытна. Лишенная малейшего элемента стилизации, народная по духу музыка построена на самостоятельных, оригинальных интонациях. Изысканность его музыкальной палитры - свидетельство глубоко усвоенной национальной и европейской культуры.

Я получил не просто громадное эстетическое наслаждение, слушая «Русскую тетрадь». Это произведение заставляет размышлять о преемственности традиций, о нерасторжимой связи нашего искусства с древним национальным музыкальным наследием.

И еще один пример, связанный со Свиридовым. Маститый композитор вспоминал: «Уже первое произведение Гаврилина, которое я услышал, - вокальный цикл «Русская тетрадь» - меня поразило. Вспоминаю, как после концерта шел поздравлять композитора, с которым еще не был знаком, и перед тем, как войти в артистическую комнату, встретил выходящего оттуда Шостаковича. Я спросил его: «Ну как, Дмитрий Дмитриевич?» Он только развел руками. И я увидел на глазах у него слезы...»

Профессор Е. А. Ручьевская оценивала «Русскую тетрадь» так: «Ошеломляющая новизна и глубина. Трагическое - через эпос (в данном случае речь идет не столько об эпических типах фольклора, сколько о частушках и «страданиях», формах прилюдного действия, переведенных В. Г. в лирический индивидуальный пласт), сиюминутное, острейшее переживание - через обряд, вместе с обрядом. «Русская тетрадь» с ее единовременными контрастами раскрыла, что музыка В. Г. может быть одновременно (и органически) трагической и комической, предельно искренней и ироничной. Здесь самозабвенное переживание радости, восторга и горя. Контрасты от еле сдерживаемого (почти крик) чувства боли,

обиды, страсти за пределами границ - до возвышенного, светлого, почти торжественного оплакивания расставания с жизнью. Но именно эпическая, обрядовая жанровая основа исключает мелодраму, запрещает исполнителю, пренебрегая строгими рамками, демонстрировать себя. Таким сдержанным - музыка-то все равно за себя говорит - было первое, авторское исполнение».

Но на вопрос Ручьевской, можно ли рассчитывать на появление новой «Русской тетради», Валерий Александрович ответил, что так он более писать не будет. И в этих словах - одна из гаврилинских тайн.

Глава 8 Его планета

К человеку пришла слава. Это сложное испытание для души. И здесь все зависит от человека, как он будет теперь вести себя.

В 1967 году, после присуждения Валерию Гаврилину Государственной премии за «Русскую тетрадь», он в свои двадцать восемь лет стал знаменитым человеком и уже в таком качестве приезжал в родную Вологду. И мне вспоминается такой, в сущности небольшой, но характерный эпизод.

Тогда я работал ответственным секретарем газеты «Вологодский комсомолец», и от нашей газеты по моему заданию интервью у композитора брал корреспондент «ВК» Борис Лапин. И когда он, взяв интервью, вернулся в редакцию, я спросил его, какое впечатление на него произвел Гаврилин. Тогда я не знал Валерия Александровича, и мне это было интересно. И Борис Лапин ответил с некоторым удивлением примерно так: «Самое простое. И самое приятное. Ни малейшего превосходства, взгляда «сверху вниз». Он меня сразу спросил, с какого я года. И узнав, сказал: мы, собственно, ровесники, потому перейдем сразу на «ты». И работать с ним было очень легко, просто, душевно».

Композитор профессор Г. Г. Белов вспоминает: «Вручение Государственной премии двадцативосьмилетнему Валерию Гаврилину, думается, еще более укрепило его в правильности избранного творческого направления. Он полностью сосредоточился на композитор-

ском труде, отойдя от издательской и педагогической деятельности. Мне представляется, что теперь он намеренно стал избегать больших и шумных музыкантских (и особенно композиторских) компаний, никогда я не видел его на банкетах, восседающим в президиумах, он крайне редко участвовал в работе творческих собраний, не показывал своих новых сочинений в узком кругу коллег. Стоит перед глазами гаврилинская фраза одного из ранних интервью музыкальному журналу: «Среди моих друзей - бригада могильщиков». Разумеется, в этом контакте слово «друзья» употреблено в ироническом смысле. Гаврилин знал, что такое зависть, видел, как много темного, готового творчески убивать, есть за кулисами в культурнической сфере. И здесь он вел себя сдержанно и настороженно.

Любопытны воспоминания Белова и о гаврилинском быте. Гаврилин, по его словам, «получил новую двухкомнатную квартиру в Купчино. Но там он прожил всего четыре месяца, так как соседка не давала ему заниматься. И он предпочел этой квартире однокомнатную, полутемную, на первом этаже, во дворе на улице Пестеля. Прямо перед окнами находились складские помещения продуктового магазина (наверно, разгрузка продовольствия там шла постоянно). Как-то летом я наведалься на минутку туда к Гаврилиным. Квартирка была чистенькая, со вкусом отделана. Но супруги жаловались в тот день, что недавно вор через открытые окна унес нарядные куртки, которые они купили в первой «зарубежной» поездке по Прибалтике. Я догадываюсь, что выбор такой квартиры в первую очередь был обусловлен ее близостью к комнате на Фонтанке, где, вероятно, осталась жить теща Валерия и куда приходил сын к бабушке после школы».

А Н. Е. Гаврилина о жизни Валерия Александровича в быту вспоминает так (газета «Сокольская правда», август 2000 года):

«В быту Валерий Александрович был очень непривередлив, то есть ему не надо было ничего особенного, экзотического, питался он очень просто. Были вещи, которые он любил. Супы, которые я варила (смеется). Говорил: «Вот суп у тебя получается великолепно!» Очень любил рыбу. Любовь к рыбе у него, конечно, с детства. Вспоминал, какая рыба была на Кубенском озере, какие вкуснейшие были рыбки, и все говорил: «Спеки ты пирог с рыбой, ну научись

ты печь пирог с рыбой!» В конце концов я этому выучилась и последнее время пекла ему пироги с рыбой. И все равно он говорил, что эта рыба совсем не такая, какая была там, на родине. Он не любил никаких экзотических фруктов - бананы, апельсины, мандарины. «Я их не едал в детстве, и у меня к ним привычки нет». Яблоки! И то, говорил, первое настоящее яблоко увидел, когда пришел кто-то после войны. Он с радостью давал всем откусить, и у него остался один черенок, и он был рад, что всем доставил такое удовольствие.

Он был удивительно аккуратным человеком, об этом можно судить и по его почерку. Кто видел, знает, насколько аккуратно написано. Никогда нельзя было увидеть на его письменном столе, чтобы что-то было разбросано, лежало наискось. Когда он кончал работу и я входила в кабинет, было такое впечатление, что он и не сидел за письменным столом: все было на своем месте, все прибрано. В кабинете я никогда не убирала, это была его епархия, он сам убирал пыль, подметал, натирал полы, и все, что было на стенах, каждая фотография, большая и маленькая, все было повешено его руками. Причем это было каждый раз, когда мы переезжали, а мы переезжали в Ленинграде девять раз, и каждый раз первым делом он оформлял свой кабинет. Комнаты были разные по метражу и по конструкции, но всегда в первую очередь был оформлен кабинет. Все прибавалось, приколачивалось, очень много рамок он сам сделал своими руками. И я входила только с его разрешения, потому что могла нарушить, так сказать, его работу, выбить его из колеи. Иногда он закрывался, чтобы никто не мешал».

Он жил в особом мире, далеком от быта, в мире музыки, слышимых только ему звуков, в непрерывном творческом поиске, в напряженной творческой работе.

Впереди еще было создание «Вечерка», «Скоморохов», многих песен, знаменитых «Перезвонов», музыки к балету «Анюта» и многое другое.

***

Творческая работа Валерия Александровича продолжалась до последних дней его жизни. За три дня до смерти, как вспоминает Наталия Евгеньевна, он создал «Рубцовский вальс». И это была

для него предсмертная и особая тема - Рубцов, его поэзия. Валерий Александрович считал Николая Рубцова великим поэтом.

В своем последнем в жизни интервью Валерий Александрович говорил, что считает своим долгом написать музыкальное произведение по стихам знаменитого земляка. И он начал работу и создал «Рубцовский вальс». И сыграл его. По словам Наталии Евгеньевны Гавриловой, это было замечательное сочинение. Но на вопрос, записан ли этот вальс, Гаврилин ответил, что нет, не записан, потому что нужна доработка финала.

Он не успел это сделать. «Рубцовский вальс» так и не был записан. И мы никогда уже не услышим его. И невольно приходят на память стихи самого Рубцова:

*Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...*

То же мог сказать о себе и Гаврилин.

Для всей его не столь уж продолжительной жизни был характерен постоянный рост - и творческий, и духовный, и человеческий. Бывший деревенский мальчик, воспитанник вологодского детдома, он вырос в крупнейшую личность - творца, создателя выдающейся музыки, великолепно образованного, интеллектуального и глубоко верующего человека. И об этом еще предстоит написать. Как личность, как человек, он оставил самую светлую память о себе. А. А. Белинский пишет:

«Я не встречал художника такой высокой нравственности. Я не встречал художника такой абсолютной искренности. Я не встречал художника такой высокой образованности».

Н. Е. Гаврилина пишет: «Он был изумительный человек, и доброты большой. Самое главное - он был очень чистый человек» («Пятницкий бульвар», 2004, №10). «Я счастлива, что в моей жизни был Валерий Гаврилин» («Наш регион», май 2003 года).

И это счастье для всей нашей культуры, в том числе, конечно, для вологодской культуры, что в наше время жил и созидал наш великий земляк - композитор Валерий Гаврилин.

И даже в невероятной космической дали летит среди звезд и планет планета № 7369, названная его именем. Он сам - особая планета в нашей духовной жизни, летящая по солнечному лучу.

Батюшковский подарок

Моя последняя работа для театра - музыка для спектакля «Мой гений» (о Батюшкове) в Вологодском театре драмы. Вологда - моя родина, и для Вологды я считаю себя обязанным сделать все, что могу, через все «не могу».

*В. А. Гаврилин (из письма музыковеду
Т. И. Грум-Гржимайло)*

В первоначальном варианте моей пьесы о Батюшкове, которую я в свое время послал В. А. Гаврилину, была сцена о любовной неудаче Пушкина с Анной Олениной, которая отказала поэту, когда он предложил ей руку и сердце. Любовная неудача постигла ранее и Батюшкова с воспитанницей Олениных - Анной Фурман. Так вот уж сложилось: два поэта, две красавицы Анны и две любовные неудачи, от которых остались прекрасные стихи Батюшкова и Пушкина. Кстати, рассказав об этом в своем дневнике, Анна Оленина вспомнила элегию Батюшкова «Мой гений», о чем и говорилось в моей пьесе. Я не знаю, повлияло ли упоминание в ней о знаменитой элегии «Мой гений» на Валерия Александровича, но то, что моя пьеса представила ему повод обратиться к Батюшкову, - это несомненно. Он и сам говорил мне об этом.

Обращение композитора к батюшковской теме было закономерным. И так получилось, что все это оказалось связанным с театром. Что тоже в определенной мере было закономерным.

***

Гаврилин очень любил театр. Он не считал, конечно, главной дорогой в своем творчестве создание театральной музыки. Говоря о музыке как о главной дороге в своей жизни, о театре он сказал так: «Тропинка, которую я очень люблю». И на этой

«тропинке» создано им также очень много. Это музыка к балетам «Анюта» (по Чехову), «Дом у дороги» (по Твардовскому), «Женитьба Бальзаминова» (по Островскому). И специально написанная музыка к многим спектаклям навсегда вошла в наше искусство. Валерий Александрович сотрудничал с такими выдающимися мастерами сцены, как Товстоногов, Ульянов, Корогодский, Додин, Владимиров, Васильев и другими. И все это большая и сложная тема, требующая особого анализа.

Началось это еще в начале 60-х годов с сотрудничества с Опоченским народным театром, а продолжалось уже творческими контактами с многими прославленными театрами Ленинграда и Москвы. В начале 60-х годов важное творческое значение для Валерия Александровича имело написание музыки к спектаклям в театре Ленсовета «Через 100 лет в березовой роще» на стихи В. Коростылева (из этого и родились знаменитые «Скоморохи») и к спектаклю ЛенТЮЗа «После казни прошу...» (о лейтенанте Шмидте). Постановщик спектакля, известный режиссер З. Я. Корогодский, писал о Гавриiline: «В театре он работал с огромной воодушевленностью и особой чуткостью. Театральная душа!»

В 1974 году написана музыка к спектаклю великого режиссера Г. А. Товстоногова в БДТ «Три мешка сорной пшеницы» (по В. Тендрякову).

Писал Гаврилин и музыку к спектаклю по пьесе Василия Белова «Над светлой водой» в Псковском драмтеатре. Композитором написана для Вологодского драмтеатра известная песня «Черемуха» на слова Ольги Фокиной. Это был спектакль по инсценировке Виктора Астафьева, одного из самых любимых им писателей в то время.

Разумеется, крупным творческим фактом было создание композитором музыки к спектаклям: в театре им. Вахтангова «Степан Разин» в постановке Михаила Ульянова по роману Василия Шукшина и «Живи и помни» (по В. Распутину) в Малом драматическом театре (постановка Л. Додина). Шукшин и Распутин, безусловно, тоже относились к любимым писателям-современникам для Гаврилина.

Театральной вершиной для Валерия Александровича все же стала, вероятно, музыка к балету «Анюта» (по Чехову), поставленному впервые в 1986 году в неаполитанском театре Сан-Карло (первая премия за лучший спектакль года в Италии). А затем, как известно, была блистательная постановка в Большом театре с Екатериной Максимовой в главной роли. Фильм-балет «Анюта» показывало более сотни западных компаний. И была самая последняя, предсмертная работа - музыка к спектаклю «Горе от ума» Грибоедова в театре Моссовета (режиссер О. Меншиков).

О театре Валерия Гаврилина можно говорить очень много. Но я хочу более подробно остановиться на его музыке, созданной после прочтения нашей с В. Кошелевым¹ пьесы о К. Батюшкове «Мой гений». Ведь для меня это незабываемый факт моего сотрудничества с Гаврилиным.

***

В 1980 году я через Т. Д. Томашевскую послал Гаврилину пьесу и получил взволновавшее меня приглашение посетить его в Ленинграде. Так состоялась наша встреча.

Интеллигентное умное лицо, подчеркнуто сдержанные манеры, располагающие к себе и сохраняющие дистанцию между нами. Напряжение и опасения исчезли сразу, но оправдалось представление о нем, и даже усилилось: это человек особый, живущий в своем своеобразном мире. Наша встреча и беседа были непродолжительны, но значимы. Почти в каждой фразе Гаврилина был свой подтекст, о котором приходилось догадываться; его суждения были неординарны, иногда парадоксальны, временами в них соединялось, казалось бы, несоединимое: сугубо светское и высоко духовное, почти мистическое, народное и изысканно интеллигентское. Но это была не эклектика, а своеобразная гармония, вытекающая, насколько я понимаю, из оригинальности его души.

Мы говорили о Батюшкове и Пушкине, о поэзии и музыке, о народной и дворянской культуре. И обо всем у Валерия Алек-

¹ Ныне профессор, автор докторской монографии о Батюшкове, известный литературовед.

сандровича были свои суждения, которые удивляли, с которыми можно было не соглашаться, но все это было очень любопытно.

Должен сказать, что к этому времени ситуация с пьесой для меня резко ухудшилась. Некоторые вологодские писатели выступали против ее постановки, и было чрезвычайно важно, какую позицию займет Гаврилин. Ведь говорить от имени театра я уже не мог, предлагать что-то от имени театра я не имел права (в том числе и гонорар за предлагавшуюся музыку), я мог лишь просить от своего имени. Поэтому разговор с Гаврилиным имел для меня очень большое значение. Вдруг он откажется от пьесы, скажет, что передумал и т. п.

Но то, что я услышал от Гаврилина, меня потрясло. Валерий Александрович сказал, что ему пьеса чрезвычайно нравится. Более того, он считает, что она достойна быть поставленной не только в Вологде. Потому он рекомендовал мою пьесу Г. А. Товстоногову и передал ее в БДТ, его завлиту Дине Шварц. Конечно, я на это не претендовал, но это являлось колоссальной поддержкой пьесы.

Далее разговор пошел уже о музыке к вологодскому спектаклю. Валерий Александрович охотно согласился со мной, что в первую очередь нужен романс на слова знаменитого стихотворения «Мой гений» («О, память сердца...»). И сказал, что написать такую музыку считает своим долгом. Затем речь пошла о вальсе, ведь в пьесе есть сцена бала... Здесь Валерий Александрович твердо не обещал, а сказал, что далее видно будет, но он дает право использовать все из его музыки, что может подойти к спектаклю. И никакого гонорара он не потребует. Это его подарок Вологодскому драматическому театру и всей Вологде во имя Батюшкова.

Нужно ли говорить о том, как много все это значило для меня? Я ушел от Гаврилина счастливым человеком.

***

Следующая моя встреча с Гаврилиным произошла в 1981 году. Стремясь как-то отблагодарить Валерия Александровича, я предложил ему вместе с супругой совершить туристическую

поездку на теплоходе по маршруту Вологда - Вытегра. Он согласился, я достал путевки и договорился с капитаном теплохода, чтобы Гаврилиных устроили в лучшей каюте. Конечно, условия плавания были самыми непритязательными. Я нервничал по этому поводу, но Валерий Александрович, как позже выяснилось, остался доволен путешествием. И отзывался о нем примерно так: самое главное, что увидели много вологодского, русского. Думается, что творчески это плавание тоже для него не прошло бесследно. Это было своего рода погружение в вологодскую природу и историю. А по поводу спектакля о Батюшкове я был вынужден сказать Валерию Александровичу, что возникли большие трудности, и он посочувствовал мне, снова сказав, что готов в случае премьеры сделать Вологде свой музыкальный подарок. И романс «Мой гений» им уже написан. И «Батюшковский вальс» тоже будет.

Но в судьбе пьесы произошла сенсация. По воле случая пьеса попала в руки художественного руководителя Академического Театра драмы имени Пушкина (Александринки) Игоря Горбачева, классика советской сцены. Пьеса ему понравилась, и он вызвался поставить ее в Вологде. Это была большая честь - и все мгновенно переменялось. Приехал из Ленинграда ассистент Горбачева Геннадий Соловский, талантливый и яркий молодой человек (увы, ныне покойный), спектакль срочно начали готовить к постановке. Мне хотелось, чтобы спектакль был не только «батюшковским», но и «гаврилинским», то есть чтобы он был полностью оформлен музыкой Гаврилина.

К сожалению, это не сбылось. Но романс Валерия Гаврилина «Мой гений» звучал в спектакле и создавал весь финал спектакля.

Финал был трагичен. Батюшков безнадежно болен, его многие литературные мечты не сбылись. Но звучал чудесный гаврилинский романс, и происходило чудо катарсиса. Это чудо творила гаврилинская музыка. «О, память сердца», - пел звонкий детский голос, и настроение менялось. Гаврилинская музыка говорила: Батюшков жил и творил не напрасно, красота его поэзии переживет века.

***

А ноты романса «Мой гений» Валерий Александрович подарил в 1982 году Череповецкому Дворцу пионеров, где активно действовал кружок юных батюшковцев. В письме композитора в Череповец, в частности, говорилось: «Я очень люблю поэзию моего великого земляка и рад, что на его родине его творчество и память о нем чтут не только взрослые, но и дети. Это значит, что прекрасная батюшковская муза будет жить очень долго. Спасибо вам за это. Мне бы хотелось написать как можно больше музыки на стихи Батюшкова».

***

Батюшков и Гаврилин, на мой взгляд, в чем-то очень важном - символические фигуры в русской культуре. В их творчестве в определенной мере достигнута гармония, столь нужная нашей духовной жизни.

Батюшков шел в своем творчестве от дворянской культуры, но с большим интересом относился к народной культуре. Даже пытался написать поэму-сказку на фольклорную тему «Бова».

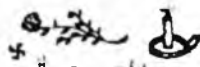
Гаврилин изначально шел от народной культуры, но он соединил это с интеллигентской культурой, высочайшим профессионализмом.

Два начала слились, и это - плодотворный путь для развития всего нашего искусства.

А в заключение хочу подчеркнуть: хотя театр для Валерия Александровича был любимой, но все же «тропинкой», однако на этой «тропинке» им создано очень много. И это лишний раз свидетельствует, как разнообразен и огромен был гаврилинский талант.

II Память сердца

• Память о тебе
Твоя душа

• Не забудь о нас
Память наша

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Память о тебе
Твоя душа

• Не забудь о нас
Память наша

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Память о тебе
Твоя душа

• Не забудь о нас
Память наша

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

• Не забудь, что, а не
забыл

Открытие писателя Гаврилина

То, что Валерий Гаврилин - выдающийся композитор, было, конечно, известно с 60-х годов. Особенно после «Русской тетради». Но то, что он был и писателем, практически не знал никто. И вот на наших глазах произошло открытие Гаврилина как писателя, несомненно, одаренного, оригинального, правда, не до конца - из-за занятости музыкой - реализовавшегося, но оставившего после себя в своих записях много литературных сюжетов, эссе, сатирических сценок, стихов, афоризмов, каламбуров. Этим открытием мы обязаны вдове композитора Н. Е. Гаврилиной. В. Г. Максимов, который вместе с Наталией Евгеньевной является составителем книги «Валерий Гаврилин. О музыке и не только», пишет об этом так: «Она бережно, по листочку, по строчке, разобрала и вычитала полустершиеся порой записи Валерия, а затем сама набрала огромную - в три пузатые папки - рукопись».

Какой же он, литератор Валерий Гаврилин? Снова процитирую Максимова: «Он такой же, как его музыка, Гаврилин-литератор: нежный и трагический, пророчески-мудрый и озорной, добрый, горестный, светлый, милосердный... и вдруг убийственно-ироничный, гневный, как Ангел Господен, когда речь идет о святом: о Родине, о даре Божьем. Он до мурашек обнажен и чист в этих не для печати писанных откровениях своих. В них - судьба, его душа - ранимая, мятущаяся».

Я попытался составить в некотором роде литературное избранное Валерия Гаврилина за 60-90-е годы прошлого века. Подчеркиваю, что это только часть обширного литературного наследия Валерия Александровича. Привожу также его некоторые размышления, философские высказывания, мысли по искусству, литературе, истории. Валерий Александрович не готовил все это для печати, он писал для себя, по потребности души. Он был книголюб, знаток книги и литературы, имел об-

ширные знания в философии, истории, различных других областях. И писал о том, что волновало его душу. Но особое значение имела для него литература. Он писал с волнением: «Русская литература!!! Какой могучий, развернутый, глубоко эшелонированный в веках фронт, наступающий в постоянно одном направлении - к братству, добру, свету».

Литературные вкусы его определились в 60-70-е годы. Из современной литературы ему оказалась наиболее близка «деревенская проза»: В. Шукшин, В. Белов (которого он читал «каждый день» и с которым дружил), В. Распутин, Ф. Абрамов и другие. Очень любил он и прозу В. Астафьева, в восторге был от его «современной пасторали» - «Пастуха и пастушки». Мир интеллигентского, оппозиционного направления в литературе - те же ленинградцы: А. Битов, А. Ахматова с ее поэтической группой вокруг себя, включая И. Бродского, - был от него довольно далек. Но главное в его литературных исканиях определяла классика: А. Пушкин, Н. Гоголь, Л. Толстой, М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский, А. Чехов. В последние годы жизни он страстно увлекся поэзией вологжанина Николая Рубцова, считал его классиком русской литературы. Валерий Александрович писал: «Есть два поэта, на стихи которых я хотел бы написать музыку, - Пушкин и Рубцов. Хотел бы, но боюсь». И сам продолжал писать и прозу малых форм, и стихи. Часть написанного им и публикуется ныне в книге. Публикуемое я условно разбил на несколько разделов, дав им свои названия.

Эссе

Много небольших лирических миниатюр, своего рода эссе, разбросано в записях Гаврилина. И о чем бы он ни писал, даже вроде бы о некрупном, несущественном - о стволе и шишке, о сусликах и лебедях - под его пером превращается в миниатюрные литературные произведения с глубокой оригинальной мыслью и умелым изображением. Некоторые из них (к примеру, «Русское поле») написаны в духе «деревенской прозы». В других своих миниатюрах автор пишет совершенно в ином духе и стиле.

Манифест

Громко. Сильно.

Враки, все враки это, что нет больше слов, что сказано все о грядущем искусства нашего, что спеты все песни, что отзвучали все гармонии, что пресытившееся ухо человека равнодушно и бесстрастно пожирает чуда, самые немыслимые и капризные, какие только может создать фантазия, злая и горячая, как огонь, сверкающая и быстрая, как молния, страшная и сильная, как атом.

Враки, все враки это, что побежден и выловлен из океана мироощущений гигантский спрут полифонии, что великая пустынь музеев захламлена эстампами затейливейших форм, что, наконец, самое себя переросла музыка и, голая и чистая, бродит по свету, не всякому доступная, не всякому открытая.

Враки, все враки это.

Холодным золотом глядится в мое окно утро. Облака, промерзшие и скучные, понуро висят над домом, покачиваясь и шевеля усатыми боками. Им неуютно и (*неразборчиво*) в то же время. Беспокойные крики птиц вырываются из-за сада, и черно-золотой воздух полыхает, истомленный последними объятьями с улетающей красотой осени. Летят, летят птицы. И я как птица. Чудным жаром охвачено мое сердце и кровь.

***

Как из ствола, из-под черной коры старого, могучего дерева, дождями моченного, грозами битого, ветрами трепанного, жарой сушенного, морозами ломанного, пробивается нежный росточек-птенчик, и стоит старик, пряча под густой шапкой листвы радостную гордость, умиление и застенчивый стыд запоздалого своего отцовства.

В деревне:

Тема: любят одну женщину двое: молоденький (19 лет) парень и опытный мужик 45-47 лет - ей 33 года. Содержание - свидания с тем и с другим.

Как бы соревнование (почти молодые). Она выбирает - красоту и молодость или ум и опытность.

Пожилой - 45 лет и молодой - 18 лет (молодые почти) влюблены в одну - 30 лет. Она выбирает - у одного ОПЫТ, у другого - НАИВ. Ушла к 1-му, 2-й плачет.

***

...Они любили с вечера до первого зимнего света, катаясь по постели, взвизгивая и стеная. Нам казалось, что раскачиваются и гудят стены. К утру воздух в доме пропитался рвотным запахом требушины и дурной крови, какой стоял в хлеву, когда там закололи нашу Звездочку. Мы с сестрой слезали с печки, угорелые от этого воздуха наслаждения, убийства и надругания над чем-то светлым и чудесным, что шевелилось нежными росточками в наших телах, уходили из дома и прятались где-нибудь в укромных местах, никого не желая видеть и слышать, и потом весь день боялись вернуться домой.

К вечеру нас разыскивала крестная, минутку разглядывала нас, наскоро всплакивала и, притянув наши головы к животу, говорила: «Пойдемте-ко, поужинайте, пока матери нет. Да и спать ляжете, - и помолчав, добавляла: - Сиротины вы мои».

Русское поле¹

Старый Маруська сидел на своем пне. Вокруг разливалась и кипела буйная тишина. И столько пронзительных птичьих трелей падало с небес на грешную эту землю! Столько появилось багульника и чуть приметных в это золотистое утро лип колотилось и вилось в зеленом, похожем на голубое, воздухе, что хотелось плакать или смеяться, стоять или сидеть или так вот просто лежать, прижавшись к старой колоде, Бог весть кем и когда принесенной сюда с далекого угора, где недавно стояла еще маленькая, всего на три двора, деревенька Мехлянка, начисто спаленная грозой в то далекое, чистое и мокряное лето, когда помер старый пастух Митя и занемогла ворожея Кобылиха, прозванная так за кривые свои ноги, вечно красный, яркого узора платок на плечах да за неумеренное пристрастие свое к козьему молоку... Старики тогда сильно заглядывали на небо и на дальние черные леса, что желтой пеной текли в густых вечерних су-

¹ Печатается первая часть эссе.

мерках, похожих на вязаную кисею, которую хорошо умели делать здешние бабы.

Когда-то во времена прошлые сама царица, говорят, просила представить пред очи свои диковины сих мастериц, да не пошли бабы - горды были. Да и сказать - по гатям и суметам, не считая мелкого проселочья с диким перелеском, замшелым да полысевшим от дождя и от ветра, - верст 10 тысяч отшагать было надо до дальнего неведомого Петербурга...

А парни, как всегда, плечо о плечо с отцами вкалывали день-деньской, кто на поле, кто в густом колючем орешнике, а кто и у себя на задворках, а вечерами, нарядившись в лучшие рубахи и пояса, ходили рядками по деревенским улицам, орали песни да тискали под суслонами девок.

***

В снегу нашел шишку, маленькую и плотную, как молоденький огурчик. Положил на письменный стол. Через пару дней она распухла, взъерошилась и стала походить на беременную женщину. При малейшем прикосновении из нее сыпались семена со стрекозьими крылышками. Шишечка стала матерью, но плоды ее появились на свет нечаянно, от искусственного тепла, и падали они на блестящее стекло стола, а не в добрую землю.

Афоризмы, каламбуры

Иногда это похоже на Козьму Пруtkова. Но чаще всего каламбуры и афоризмы Гаврилина совершенно оригинальны, смешны, остры, неожиданны. Гаврилин способен подчас одной фразой (и даже одним словом) создать образ.

Воробей: «Все хорошо, даже прекрасно - квартира, работа, зарплата, снабжение, питание... Только вот чирикать не разрешают».

За углом меня поджидал человек с большой буквы.

Поддельная музыка. Поддельная девушка.

Братья Турандот - Иван Алексеевич и Абрам Самуилович.

А ну, отнюдь от меня!

Чем короче юбка - тем интереснее девушка.

Был он большой жрец - все ел, ничем не брезговал.

Кафе «Вечерний Шостакович».

Много вы, композиторы, о себе воображаете. Даже сам Моцарт был амудей, так неужели вы думаете, что вы лучше!

Пташечка-ропташечка.

Уж рельсы кончились, а станции все нет.

Ни дня без строчки. День кончился. Надо записать строчку. Записал.

Мне деньги не нужны. Они нужны тем, чьими услугами я пользуюсь.

Русский умелец - все сумеет сломать.

Шортовщина (когда много ходят в шортах).

МоКоСтроКо - моральный кодекс строителей коммунизма.

Ню и голубой платочек.

Не возникай. Уникни.

Я не жулик. Я плутарх.

Сыграйте мне что-нибудь гнусное.

Свобода выбора между тельцом и духом.

Теловидение.

Приеду вечерней лошастью.

Нынче служат не делу - телу.

Одна проститутка говорила: «В душе я - девушка».

Народ променял Царя (небесного) на разбойника.

Тишина - слышен Бог. Шум - бегство от голоса совести.

Тишина - лучшая музыка.

Сатирические миниатюры и сценки

Некоторые из гаврилинских сатирических сценок походят на миниатюры И. Горбунова, известного сатирика XIX века. Но, как правило, Гаврилин-сатирик «по-гаврилински» оригинален.

***

Выхожу один я на дорогу вместе с тещей, женой и двумя малолетними детьми. Все тоже вышли одни на дорогу со своими семьями. И только один вышел с любовницей. Мимо маршировали солдаты и пели песню, летели самолеты и ехали машины с вос-

клицательным словом «Дети!». Все были одни-одинешеньки, кроме того, с любовницей. Ох уж эти женщины! Такой стих способны испортить. Нет, мы должны их осудить - и осудим. Мы за одиночество. Будем одиноки! Мужественно, самоотверженно одиноки. Поручкой тому жена, семья, теща, приятельница тещи и приятельница приятельницы. Дичайте, мужчины!

***

В бане - встреча учительницы с учеником.

Учительница:

- Он не готовит уроки.

Мать:

- Так он не готовит уроков?! Васька, поди-ка сюда, я тебе сейчас намылю шею.

Васька (ученик):

- Здрасьте, Мария Ванна!

***

Разговор двух мужиков:

- Вот увидишь: к Люське он не вернется, а женится на своей на еврейке.

- Это почему это?

- А они, евреи, русскую бабу долго выносить не могут.

- Что же так?

- Запашисты очень. Дух от них сильный.

- Это так... А вот, к примеру, русский еврейку может выносить?

- И очень просто. Вот я - мне хоть еврейку, хоть негру какую покажи - все одно дело сделаю, потом как русский человек не духом вдохновляется, а одной только видимостью.

***

Солдат в гостях у ученой девицы, одолевшей его разными разговорами:

- Барышня, ну лягемте у койку.

***

Чаво да чаво... Да ничаво!!! (Крестьянское восстание).

***

Видел Шостаковича 8 раз, 9 раз шел за ним следом, 5 раз здоровался за руку.

Из истории

Гаврилин воспринимал историю как явление, в которую входила и его судьба. Он смотрел на исторический процесс глазами глубоко верующего человека. Распад СССР, развал, который происходил в нашей стране, он воспринимал как личную трагедию. Известно, что в знак протеста против того, что происходило тогда в России, он отказался от президентской премии. Но вера в Россию и наш народ была у него неколебима. И во всем он видел тайный, мистический смысл и писал об этом.

***

Надо все познавать до уровня тайны, до «вещи в себе». Кант, нирвана и т.п.

***

7 дней творения, 40 дней потопа, 72 дня Парижской Коммуны, 100 дней Наполеона.

***

Эгоизм, одиночество - гибель (спасайся, кто может). Татарское иго - результат этого.

***

Людовик XI пожаловал Пр. Деве Марии герцогский титул и назначил ее капитаном своей гвардии.

***

Суриков Иван Захарович, родился в 1841 г. в дер. Новоселово Угличского уезда Ярославской области (крепостной графа Шереметьева). Автор «Рябины» («Что стоишь, качаясь»), «Степь да степь кругом».

***

Скобелев напоил солдат пьяными, и они перерезали население (до этого они отказывались). В дурмане на убийство готовы.

***

Гроб Чехова привезли в Москву в вагоне из-под устриц (и с военной музыкой).

***

Один знаменитый английский лорд в середине прошлого столетия написал: «Великое злоупотребление музыкой». И сейчас про-

исходит то же самое: музыка исполняется без толку, много, действительно с перееданием до обжорства. Много музыки используется так, что она теряет свой первоначальный смысл. Сколько этих рок- и джазовых обработок симфоний Бетховена, Моцарта, самых лучших, самых прекрасных произведений.

А коллажи?! Композитор всю жизнь работает, чтобы добиться единства своего стиля, а тут в один «котел» собирают все темы десятков композиторов, и все это в одном темпе, на одной джазовой установке «шпиляют».

И, конечно, просвещенное участие просвещенного государства необходимо. Какой-то надзор очень важен. Тут не надо лукавить, что это какое-то нарушение демократии.

Такой умный человек, Сократ, сказал, что распушенная и неумная демократия принесет в результате больше вреда, чем самая жестокая тирания. Будет то же самое подавление, уничтожение личности, только совсем с другого конца. Эти с головы отъедают личность, а те - как Катоблеп, который ел собственные ноги, так потихоньку от ног доходил до головы. Ну какая разница - туловище останется без головы или голова без туловища?

У Андре Жида есть замечательная притча о Прометее, которого освободили его поклонники - носители либерального духа. Они сняли его со скалы и начали всячески чествовать, устраивать торжества, пиршества в его честь. Очень скоро он превратился в толстого, жирного, ленивого развратника, который не мог не только что огонь - собственную руку поднять. А закончилась эта история тем, что на самом грандиозном юбилейном вечере, так называемой презентации его победы - добывания огня, ему поднесли зажаренного орла. Это был тот самый орел - и Прометей не стало. Суть в том, что каждый художник - творец своего орла.

***

Наш народ загадочен. Сказочен, как град Китеж. Непредсказуем. И никто за океаном, никакой Киссинджер и никакой Бжезинский не подскажут нам, что надо делать и как следует жить, и не напророчат нам наше будущее. «Отчалившая Русь» - писал ког-

да-то Есенин. Отчетливо чувствовал это плавание к неведомому берегу и Николай Рубцов. Только вот куда она отчалила? «Куда ты несешься, птица-тройка?» Когда еще эти слова вырвались из груди Гоголя.

***

Есть Апокалипсис от Иоанна, где все сказано, что нас ждет.

Из стихов

Стихи Валерия Гаврилина, как правило, фольклорны. Есть у него немного стихов, написанных в ином ключе (интимная лирика). Но большинство - на народные темы. Его стихи звучали в известных произведениях «Скоморохи», «Вечерок», «Перезвоны». Вот некоторые из них.

***

Луна с волной
Целуется.
Звезда с звездой
Прощается.
И мне пора
В обратный путь,
Мой миленький,
Мой мальчик.
Слечу за милым солнышком,
Слечу за светлой звездочкой,
Вернусь волною вольною,
До свиданья, мой друг¹.

***

Говорил мне Ванечка
«Расти, моя миланечка».
Я росла, старалася,
Ванюше не досталася.

---

¹ Текст песни к спектаклю ЛенТЮЗа «После казни прошу...»

***

*Рад Вас видеть -
Да беда -
Зрение мое в остатке.*

*Рад служить Вам -
Да беда -
Потерял свои перчатки.*

*Рад любить Вас -
Да беда -
Слишком чист я
И безгрешен.*

*Рад Вас бросить -
Да беда -
Брошен сам,
И сам повешен.*

***

*Что за смех, что за комедь,
Я хацу тебя иметь!
- Попрошу тебя, ей-ей,
Ради бога, не имей.*

***

*В знак любви свои штанишки
Я в твоей повесил ванной,
Не забуду я, мальчишка,
Ночи, мне тобою данной.*

***

*Снесла курица яичко,
Тетя Маша - большевичка.
Пошла кура на насест,
Тетя Маша - на партсъезд.*

***

Белы розы
Сини розы
Красны розы
Грозные цветы.

Белы слезы
Черны слезы
Красны слезы
Чисты хрустали.

***

Такая глушь, такая мгла,
Что надо бить в колокола,
Чтоб вывести путника на свет.
Но даже колокола нет.

***

Прохожий, ты идешь,
Но ляжешь, как и я,
Присядь и отдохни
На камне у меня.
Сорви былиночку...

***

Божий гром загремит,
Божьи трубы затрубят.
Трубят божьи трубы:
Христос воскрес.

***

Бог любит малых воробьев,
От гибели храня.
И если любит Бог цветы -
Он любит и меня.

***

*Здесь поет птица Сирин.
Глас ее в ночи зело силен.
Кто поблизости ея будет,
Тот все в мире сем позабудет.*

О себе

О себе Валерий Александрович тоже писал с большой долей самоиронии. Но он знал себе цену, верил, что может обессмертить то, что любит.

***

Я основан в 1939 г.

***

Я хотел бы быть как мудрые. Но боюсь, что этого не поймут и решат, что я выскочка. Вот если бы меня выдвинули в мудрецы. Я бы оправдал. Я бы старался, работал бы и над собой, и над чем-нибудь еще. Меня бы признали. А со временем и присвоили бы какое-нибудь почетное звание. Например - Народный мудрец СССР. Как это красиво! Боже мой! Как это удивительно!

***

Сегодня я познакомился с одним человеком. Это был я. Надо сказать, что я не произвел на себя такого уж впечатления. Со стороны я как-то интереснее. И чего такого во мне находят? Больше всего меня поразила собственная глупость. Думаю, думаю и в результате придумываю что-нибудь общественно вредное. Нет, такие, как я, нам не нужны. Со мной надо бороться, пока я еще в силах. Потом будет поздно. Когда я подрыхлею, я буду неистребим.

***

Но, Боже мой, как много, оказывается, в жизни чужого для меня. Я потерялся. Я вижу сильных и талантливых работников, которые живут без сердечного тепла и на этой основе общаются

друг с другом. Откуда они берут жизненные идеи? Как они чувствуют сердце общества? Ведь многое им удастся. Иногда мне кажется, что я старомодная тупица, безнадежно отставшая от всего современного. Другие забывают меня, потому что больше любят женщин, другие - потому что больше любят шапочное знакомство с сильными мира.

А как умеют оправдывать все это или «не замечать» сути своих поступков, какими светскими людьми могут быть, с какой милой непосредственностью презирать, плевать в лицо, как очаровательно умеют менять человеческий облик, быть наиобходимейшими свиньями. Жуть какая вещь - конъюнктура.

Музыка, сердце мое, жизнь моя, не учи людей ЖИТЬ, учи любить, страдать, и еще любить, и еще любить. Друг мой, всем своим помоги мне в этом.

***

Я не верю в современное - меня интересует только вечное. Хочу повторять любимое, и обессмертить его - мое кредо.

***

Я с любопытством жду, что там будет, когда я умру. То, что мой духовный организм будет все равно участвовать в жизни мира, для меня совершенно бесспорно.

Его рисунки, его тайны

Н. Е. Гаврилина показала мне спичечный коробок, который «изукрасил» Валерий Александрович, и я просто ахнул. Это в своем роде уже художественный предмет. Коробок оклеен цветной бумагой, покрыт лаком, а сверху - картинка-литография (видимо, репродукция из журнала). И, оказывается, сохранилось несколько таких изделий, прошедших через руки Гаврилина. Все, что попадало к нему в руки, превращалось в нечто художественное. Валерий Александрович во всем и всегда творил красоту. Это было внутренним свойством его натуры. И, как уже говорилось, он с детства увлеченно рисовал. Как известно, прекрасно рисовали многие выдающиеся таланты. Батюшков, даже будучи больным, создавал целые картины. Известны рисунки Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Волошина, Эйзенштейна. В творческое наследие Гаврилина также входят его рисунки. О них до последнего времени, собственно, никто не знал.

И вот недавно об этом исследователем Евгенией Шелухо написана небольшая, но интересная статья. В ней, в частности, говорится: «Что рисует композитор? Прежде всего героев своих сочинений. И нередко такие «портреты» не лишены чувства юмора. С особым тщанием прорисован главный герой поэмы «Тараканище» (музыка которой, к сожалению, утрачена).

Графически четко выписаны и два задорных скоморошских профиля в действе «Скоморохи» - кстати, единственный раз рисунок выполнен на обложке чистовика. Думается, что это единичное авторское допущение не было случайным. Скоморох - его главный герой, о котором он размышляет в статьях и записях «для себя», чей образ неоднократно воплощает в своем музыкальном и музыкально-сценическом (музыка для театра) творчестве. «Для меня весь мир представляется в виде огромного скомороха, у которого смех сквозь слезы. У меня в скоморохи обращаются люди, которые так или иначе являли миру

какие-то открытия правды», - сказал однажды Валерий Гаврилин в одном из последних телеинтервью, подчеркнув тем самым особую значимость образа скомороха, ставшего для композитора неким символом служения национальному искусству. Обратим внимание на профили скоморохов: один из них - традиционный, лубочный, с петушиным носом, колечками кудреватых волос, и даже с кокетливой мушкой на щеке. Выделяется другой: строгий, прорисованный прямыми лучеобразными линиями, напрашивается характеристика - «звездоликий». Не картинка, а символ, скупой графический образ, образ не скомороха, а Художника-скомороха - как носителя правды. Этот профиль неоднократно появляется в рукописях композитора, венчая каждую словесную запись, словно личный графический знак.

Подобные рисунки-знаки очень характерны для рукописей Валерия Гаврилина.

Цветок - один из образов-ключей действия «Перезвоны». Помните, в «Смерти разбойника»:

*Я молоденький паренек,
Я принес тебе цветок,
Мудро наставленье,
Милой матушки благословенье.*

Свеча, нередко изображаемая в центре страницы, в тех же «Перезвонах» выполняет важнейшую роль, становясь аллегорией жизни в кульминации действия:

*Матка-река! Не гаси свечу!
Матка-река! Не гаси свечу!
Матка-река! Укроти волну!
Покуда свече в ночи гореть,
Моей-то душе на мир глядеть.
На мир глядеть, людей жалеть.
Матка-река, не гаси свечу!*

Наконец, в эскизах композитора встречаются и просто русские орнаменты.

Гаврилин считал, что «мы все еще плохо знаем тайны русской орнаментики, деревянного и плетеного узорочья». И по-

лагал, что в этих образах «зашифрованы» «тайны и многие сведения, быть может, не меньшие, чем в астроматематическом устройстве египетских пирамид». Вот так сложно и глубоко смотрел на все вокруг Валерий Гаврилин, что сказалось и в его рисунках.

Но самые глубинные, сокровенные тайны заключены в гаврилинской музыке, что еще, видимо, будет открываться и познаваться.

Память сердца

Завершая эту книгу, можно сказать: впереди еще большая цель - создание такой глобальной работы, которая бы подробно, во всей полноте охватила жизнь и творчество Валерия Александровича Гаврилина. Это еще предстоит.

Н. Е. Гаврилиной написана работа под названием «Даты и факты из жизни и творчества В. А. Гаврилина». И автор этой книги в своей работе во многом опирался на нее.

Факты свидетельствуют: творчество В. А. Гаврилина пользуется ныне широким признанием и любовью. Простое перечисление фактов говорит об этом. Н. Е. Гаврилина также пишет и о том, что происходило после смерти композитора, - для увековечения его памяти.

Публикуем заключительную часть работы Н. Е. Гаврилиной. Факты в ней наглядно говорят: Гаврилин любим, признан, жив в своей музыке, и его творческая жизнь продолжается и устремлена в будущее. Итак, только факты...

1999. Скончался в Петербурге 28 января, в 1 час 30 минут. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Прошли вечера памяти в Петербурге, Риге (март - апрель).

В Большом театре прошел 100-й спектакль балета «Анюта», посвященный памяти В. Гаврилина.

В Санкт-Петербургской консерватории учреждена стипендия В. Гаврилина.

Международному детскому музыкальному конкурсу «Я - композитор» присвоено имя Валерия Гаврилина.

Первый фестиваль музыки В. Гаврилина, посвященный 60-летию со дня рождения, в Санкт-Петербурге (13 сентября - 1 октября.)

Фестиваль и научно-практическая конференция памяти В. Гаврилина в Вологде (25 ноября - 20 декабря). Вологодской областной филармонии присвоено имя В. А. Гаврилина. Открыты экспо-

зиции в музеях села Кубенское и города Кадникова Вологодской области.

2000 - 2008. Ежегодно в январе проходят Дни памяти в Санкт-Петербурге и в Вологде. Концерты.

2000. Российской Академией наук малой планете под № 7369 присвоено имя GAVRILIN. Установлено надгробие на Литераторских мостках Волкова кладбища (скульптор Ю. Евграфов). Детской школе искусств № 8 Санкт-Петербурга присвоено имя В. А. Гаврилина.

Открыта мемориальная доска на бывшем здании музыкальной школы № 1 в Вологде, где учился В. А. Гаврилин. (Сейчас здание перестроено, доска отсутствует).

2001. Прошел первый Губернаторский международный юношеский конкурс имени Валерия Гаврилина в Вологде. Прошел второй Российский музыкальный Гаврилинский фестиваль в Санкт-Петербурге и Вологде (ноябрь - декабрь). Издана книга «О музыке и не только...» (записи разных лет), СПб., издательство «Дума». Вечер, посвященный творчеству В. Гаврилина, в Российском фонде культуры в Москве.

В рамках XII Международного детского музыкального фестиваля прошел международный конкурс «Я - композитор» имени Валерия Гаврилина. Открыта мемориальная доска в Санкт-Петербурге на доме № 12 по улице Пестеля, в котором с 1980 по 1995 год жил Гаврилин (скульптор В. Евграфов).

2002. Началось издание собрания сочинений В. А. Гаврилина. Первый том - «Перезвоны». Издана книга воспоминаний «Этот удивительный Гаврилин» (издательство журнала «Нева»). Прошли концерты памяти В. Гаврилина в Санкт-Петербурге и Вологде (январь). Прошел очередной конкурс «Я - композитор» имени Валерия Гаврилина в Санкт-Петербурге. Презентация книги «О музыке и не только...» в Вологде.

2003. Издан третий том собрания сочинений - «Скоморохи». В Вологде был организован «круглый стол» на тему: «Творчество В. А. Гаврилина в русской музыке». Вышло второе издание книги «О музыке и не только...» (издательство «Композитор»).

2004. Прошли фестивали, посвященные 65-летию со дня рож-

дения В. А. Гаврилина: в Санкт-Петербурге - третий музыкальный Гаврилинский фестиваль; в Вологде - Международный музыкальный Гаврилинский фестиваль (26 сентября - 19 декабря) и конференция «Русская музыкальная традиция. XXI век» (руководитель - А. Золотов.) Издан второй том собрания сочинений - «Хоровые произведения». Открытие мемориальной экспозиции в музее села Кубенское Вологодской области. По инициативе департамента культуры Вологодской области создан телефильм, посвященный В. А. Гаврилину (автор и режиссер В. Кудрявцев) «Иду по светлому лучу...», презентация которого состоялась в Вологодском представительстве в Москве. В 1-й музыкальной школе г. Вологды состоялось открытие Гаврилинского зала и класса.

2005. Изданы IV и V тома собрания сочинений - «Балет «Анюта», «Военные письма», «Земля». Издана книга В. А. Гаврилина «Слушая сердцем...» (статьи, выступления, интервью). Студией «Леннаучфильм» выпущен фильм «Валерий Гаврилин. Весело на душе» (режиссер В. Гуркаленко).

Имя В. А. Гаврилина присвоено Вологодской школе-интернату № 1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как правопреемнику Октябрьского детского дома, в котором воспитывался В. Гаврилин в 1950 - 1953 гг.

2006. В Санкт-Петербурге прошел четвертый музыкальный Российский Гаврилинский фестиваль (22 - 27 октября). В Вологде - Международный музыкальный Гаврилинский фестиваль (6 октября - 19 ноября). Фестивалю предшествовала научно-практическая конференция «В. А. Гаврилин и отечественная музыкальная культура. XX век» (руководитель - И. Райский). Открыта стационарная музейная экспозиция «Перезвоны» в филиале Вологодского музея-заповедника.

Издан XI том собрания сочинений - «Русская тетрадь», «Времена года». Открыт зал В. А. Гаврилина и музейная экспозиция с бюстом В. А. Гаврилина (скульптор Ю. Евграфов) в школе искусств № 8 им. В. А. Гаврилина.

2007. Издан XII том собрания сочинений - «Первая и вторая немецкие тетради». Издан каталог сочинений Валерия Гаврилина. В г. Кадникове Вологодской области именем В. А. Гаврилина

названа улица. Кадниковской ДМШ присвоено имя В. А. Гаврилина.

2008. Издан XIX том собраний сочинений (песни, романсы, баллады). Пятый Международный Гаврилинский фестиваль в Вологде. Второе, дополненное издание книги «Этот удивительный Гаврилин».

В Санкт-Петербурге издано биографическое эссе Т. Отюговой «Композитор Валерий Гаврилин».

В вологодской областной газете «Красный Север» напечатана документальная повесть В. Аринина о детстве и молодости композитора «По солнечному лучу», положившая начало этой книге.

Составлено Н. Е. ГАВРИЛИНОЙ

Содержание

Благодарная память о Гаврилине	4
От автора	7
 I. Главный путь и любимая тропинка	 9
По солнечному лучу	10
Вам слово, Валерий Александрович!	10
Синее море, белый пароход... ..	15
По солнечному лучу	19
Интернат. Объяснение в любви	25
Знак судьбы Валерия Гаврилина	31
Мог ли он не стать композитором?	34
«Русская тетрадь»	41
Его планета	47
Батюшковский подарок	51
 II. Память сердца	 57
Открытие писателя Гаврилина	58
Его рисунки, его тайны	72
Память сердца	75

Владимир Аринин
ПО СОЛНЕЧНОМУ ЛУЧУ

Издатель ИМП «ФЕСТ».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Директор Мухин Петр Юрьевич. Тел. (8172) 76-91-25.
E-mail: muhin@krassever.ru
Редактор Прилежаева Татьяна Юрьевна. Тел. (8172) 72-31-42.
E-mail: vn@krassever.ru

Дизайнер Малютина Ольга Вячеславовна.
Корректор Жукова Наталья Владимировна.

Формат 60x84/16. Печать офсетная. 5 п.л. Тираж 999 экз. Зак.3700.
Отпечатано: ООО «Полиграф-Книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Клавдия
Михайловна
Гаврилина,
мать
композитора.

Александр
Павлович
Белов,
отец
композитора.

Валерик Гаврилин с сестрой Галей.

Дом в Перхурьеве, где жили Гаврилыны.

Так выглядел храм в Воздвижение в детские годы Гаврилина.

Современный вид храма (после реставрации).

Вид на Кубенское озеро.

*Воспитанник
Ковыринского
детдома
Валера Гаврилин.*

*Детский дом в Ковырине, где воспитывался мальчиком
Гаврилин.*

*А. Т. Тевосян, Леночка и Т. Д. Томашевская в Перхурьеве,
у дома, где жили Гаврилины.*

*Валерий Гаврилин. Музыкальная
школа-десятилетка. Ленинград. 1950-е годы.*

*Учащиеся музыкальной школы-десятилетки при Ленинградской
консерватории. Первый квартет. В центре - Валерий Гаврилин.
1957 год.*

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР
МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЕСЯТИЛЕТКА

АТТЕСТАТ

7

Так блестяще,
на «отлично»
была закончена
музыкальная
школа-десятилетка.

Настоящий аттестат выдан Гайржику Валерию Александровичу,
родившемуся муж. в 19 39 году в том что он обучался
в Музыкальной школе десятилетке Ленинградской ордена Ленина
Государственной консерватории им. А. Н. Римского-Корсакова
окончил в 19 58 году полный курс средней музыкальной
школы по специальности музыкально-теоретический факультет
и обнаружил при отличном поведении следующие
знания по предметам специального цикла:

1. Специальность 5 (отлично)
2. Общий курс фортепиано 5 (отлично)
3. Теория музыки 5 (отлично)
4. Гармония 5 (отлично)
5. Музыкальная литература 5 (отлично)
6. Сольфеджио 5 (отлично)

28 июня 19 58

№ 3

Директор

В его жизни
появилась
Наталия
Евгеньевна.

С сыном Андреем.

В фольклорной экспедиции.

Август 1965 года.

В. А. Гаврилин с Зарой Долухановой.

За работой. Родается музыка.

В. и Н. Гаврилыны в Кубенском. Август 1982 года.

В. Гаврилин в кабинете в квартире на улице Пестеля. 1982 год.

В. А. Гаврилин с Г. А. Товстоноговым. 25 сентября 1986 года.

С Михаилом Ульяновым.

С Валентином Распутиным.

Большой зал филармонии. «Перезвоны». Московский камерный хор, В. Минин. 13 июня 1990 года.

*В. А. Гаврилин с Т. Д. Томашевской
в деревне Скрябино под Вологдой. 17 августа 1992 года.*

В. Гаврилин на пути в Капеллу. 18 мая 1998 года.

Капелла. В. Гаврилин на сцене с оркестром. 18 мая 1998 года.

*Капелла. В. Гаврилин приветствует зрителей балкона
и галерки. 18 мая 1998 года.*

Последнее фото
В. Гаврилина.
24 января
1999 года.

